

НАДЕЖДА

ЕГОР АЛЕХНО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

РЕСПУБЛИКИ

Егор Алехно
Надежда Республики

«Автор»

2026

Алехно Е.

Надежда Республики / Е. Алехно — «Автор», 2026

У Республики есть ответ почти на всё. Как пережить конец света. Как кормить людей обещаниями. Как обернуть насилие в праздничные речи и благодарные аплодисменты. Но у нее нет ответа на Китана Иннату. Он вырос там, где грех стал идеологией, а нидизель — валютой. Там, где вооруженные кланы решают быстрее судов, а экспериментальные объекты еще дышат под землей. Там, где дом может сгореть вместе со всеми, кого ты любил. Китан приходит в Столицу Федеративной Белорусской Республики с простой мыслью: однажды вернуться и заставить прошлое заплатить. Но Республика умеет делать из боли политику. Она записывает месть в личное дело, выдает ей форму, ставит в строй — и ждет, когда человек обратится частью системы. И тогда вопрос меняется: что важнее — отомстить за мертвых или удержать от гибели последнее государство на Пустоши?

© Алехно Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Не сворачивай, если начал	5
Глава 1. Оставь свои грехи	6
Глава 2. Пустошь забирает слабых	19
Глава 3. Борись за жизнь, кому еще?	27
Глава 4. Капитализм в загоне	43
Глава 5. Ненависть не прекращается ненавистью	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Егор Алехно

Надежда Республики

Часть 1. Не сворачивай, если начал

Повернуть назад — мудрое решение,
Признать ошибку, оставить надежды.
Но как в этом мире я могу променять
опыт полностью пройденной дороги?
Старец, 2218

Глава 1. Оставь свои грехи

Тысячи капель стекали со стенок тоннелей бывшего метрополитена. Они спускались сквозь расщелины бетонного каркаса, образуя новые щели. Обтекали мох и мицелий мириад грибов, зарождали иную жизнь, хоть и были отравлены спустя столько лет. Проносились мимо пустоты и неизвестности давно покинутого метро, падали на изъеденные ржавчиной рельсы. Шпалы давно уже источены мокрицами и разными насекомыми, так что воде оставалось обогнуть остатки железобетона и уйти в грунтовые воды. И неизвестно, что было токсичней.

Те же капли ниспадали мне на лицо, смешивались с потом и уносились ветром вдаль. Они не отравляли меня, а, наоборот, придавали силы бежать дальше. Освежали мои мысли и заставляли двигаться вперед. Ноги сами выбирали правильный путь. Левая — на рельс, правая шла по останкам, впереди камень — поскользнулся, упал, встал. И побежал дальше. В крошечной темноте не разберешь пути. Никто тебе здесь не поможет, не протянет руки и поведет нужной дорогой. Это испытание, которое нужно пройти самому; почувствовать, как течет кровь внутри твоего тела. Как бьется сердце и дрожит рука от страха. Каждый волос вздымается над кожей: бьет тревогу. Расходятся глаза, бегают, словно дети при виде мороженого. Пробирает холод, и ты чувствуешь его даже левым ухом, с которого продолжает стекать пот. Сотни мыслей в голове переплетаются в паутину и гаснут, как звезды. И единственная, что стоит над ними — не сдаваться. Продолжать бежать во что бы то ни стало. Превозмочь свои страхи и идти не назад.

Не было времени осмотреть метро, что похоронило в себе целые века. А ведь какими вопросами задавались те, кому удавалось сюда попасть. Как строили эти тоннели? По ним передвигались люди в железных вагонах? Почему их до сих пор не завалило, как в других городах? Это было неважно для меня. Не возникало и вопроса по поводу правдивости историй, которые несли караванчики. О поселениях на севере и востоке, что еще выживали среди пустыни. Я не раздумывал о скелетах, ломающихся под моими ботинками, сводах станции метро, которую пробежал за секунды. Я мчался на ощупь, иногда ведомый легким свечением люков и трещин в бетоне. Словно мотылек, я бился о каждый, надеясь, что это выход к палящему светилу. Наружу, где погибну за секунды без должной подготовки, почти голышом. Может, пару-тройку раз выстрелю из пистолета, который успел ухватить. Но я точно знал, что выберусь отсюда и когда-нибудь отомщу.

* * *

Я всегда рос изгоем, без отца и матери. Иногда спрашивал себя, кем они были. Шахтером, а она проституткой? Или отец свалил и спился, а мать пыталась растить меня, но умерла от коклюша? Никто не знает, да и я не сильно хочу. Меня просто принесли на порог, словно посылку — значит, не смогли убить.

До семи лет я не помню почти ничего. Жил в грешном городишке, делал все, что говорили, но предпочитал одиночество. Я был самым тихим ребенком в нашей Семье, послушным и молчаливым. Может быть, даже посредственным. Но только стукнуло восемь — и всем детям раздавали дела поважнее и потруднее. Мы учились свежевать шкуры кабанов и других диких зверей, выращивать бротошку и маис — единственные выжившие культуры.

Всего лишь двоим удосужилось зайти в подвальную лабораторию, где Семья производила медикаменты. В числе них оказался и я. Наверное, меня не видели за более активной работой, чем выпаривать различную дрянь и переливать жидкости туда-сюда. Каждый день мы

поджигали плитки и варили собранные на плантациях растения. К сваренному добавляли волчье сало, яд насекомых и, в зависимости от ожидаемого результата, остальные ингредиенты.

Если бы не напарник, я бы давно сбежал из этого городка, полного баров и казино. На протяжении пяти лет мы засиживались в лаборатории, размышляя, как устроен этот мир. Что находится за городскими стенами и как устроены другие города? Как выглядят те мутанты, части которых нам иногда приносили? Обсуждали сплетни и слухи, летящие из уст пьяных караванщиков и мародеров. Нам рассказывали о государстве, лежащем на востоке, идеалах равенства и братства. Громадных медведях с шипастым гребнем на спине, живых роботах и войнах за дизель. О том, что было до нас и до них самих.

За это время мы с коллегой стали друзьями, которые все делают сообща. Тогда еще молчаливый малец и буйный подросток, мужавший на глазах. Позже он стал мне новой семьей, заботливым братом. Если в свои тринадцать, когда мы только познакомились, он разрешал мне делать глупости, то к шестнадцати стал оберегать меня от этого. Учился на своих ошибках и учил своего брата, норовящего куда-нибудь залезть и что-нибудь спереть. А я всеми силами заставлял себя не молчать, когда меня о чем-то спрашивают. Правда, получалось только отвечать вопросом на вопрос. Так делали все в нашей Семье.

Пока я вытягивался и полнел, мой брат становился юношей. Черный и носатый парень с узким лицом. Уверенный и лишенный робости прирожденный лидер. Он меньше посвящал себя темному клоповнику, где мы варили пахучие отвары. Его начинало тянуть к военному делу. Конечно, он все еще не забывал обо мне, даже жил в одной комнатухе, куда помещались только наши кровати. Но я чувствовал, что этот момент наступит. Ему придется стать чем-то большим для нашей Семьи, чем просто ботаником в подвале. Уйти в Республику или погибнуть за нас — я не знал. Я не хотел об этом ни знать, ни думать. Наслаждался моментом и растягивал каждый миг своей беззаботной жизни.

И длилось это недолго: наступила весна. Наш Отец — глава Семьи — был предан земле. И через какое-то время старейшины избрали нового, который поведет нас дальше. Каким же ударом была для меня новость, что выбрали моего брата. Я более не желал взрослеть, думая, что так верну наши совместные годы вспять. Почти два года я не менялся, и наши дружеские отношения с ним все отдалялись. У него были дела поважнее, чем следить за требующим внимания ребенком. Он хотел, чтобы я взялся за какое-нибудь ремесло: начал читать, приучился к винтовке.

Тем временем мои навыки и достижения к девятнадцати годам ограничивались подстреленной крысой из украденной винтовки, выговором за кражу и званием лучшего работника лаборатории — других, к сожалению, не было. Да, я определенно возмужал внешне: стал таким же черным и волосатым, как и мой брат. Вытянулся и сильно покрупнел. Вырос нос и не только. За исключением веса, я напоминал его копию. Но что касалось дел — тут я пролетал по всем параметрам. Нечего говорить, насколько братец был лучше меня. Во всем. Даже в картах и, казалось, моей лабораторной деятельности. На его фоне я превращался в тусклое пятнышко без собственной жизни и мнения.

Когда мне исполнилось двадцать три, умер Лидер Республики, чьи земли лежали к востоку от нас. Наш город не подчинялся этому государству, и, как и многие, был сам по себе. Федеративная Белорусская Республика желала прибрать к рукам остальные селения. Однако содержать и контролировать их на таких расстояниях не могла. Зато между нами ходили торговые караваны. Это устраивало каждого. Наша Грешница — так называли город — определенно докучала обилием запрещенки, наплевательским отношением на законы и саму Республику, но все закрывали на это глаза, пока в их карманах звенели монеты.

Смерть Лидера ясно дала понять, что наступили беспокойные времена. Борьба за власть, отмена контрактов, голод. Три больших клана, Семьи, контролировали Грешницу, но это не

спасало ее от республиканского влияния. Любая Семья зарабатывала на жизнь и сбывала свою продукцию.

Мы занимались плантациями и лабораторией для производства медикаментов. Вторая Семья была скорее объединением военных под эгидой Генерала. Они имели крупные оружейные контракты с Республикой и другими поселениями. Поставляли отремонтированную технику и где-то даже роботов. Третья, самая богатая и большая, держала бордели и казино. Управлялась той еще стервой. Обычно к старушкам лет пятидесяти обращаются «пожилая леди», но тут другая сторона медали.

И любой кризис там, в Республике, непременно сказывался и на Грешнице, и на делах Семей. Поэтому мы предавали привычный образ жизни. Натаскивали всех подростков и мужчин по программе вояк. Сборка и разборка ствола, стрельба с дистанции по мишеням. Навыки ориентирования в пустоши и выживания. Свою пустоту я заполнил очень быстро, научился попадать в пугало и бутылки на заборе. А вот бреник никак не налезал: пришлось носить кожанку и надеяться, что никто не захочет стрелять в такого неуклюжего кабанчика.

Наступила поздняя зима. Как мне рассказывали караванщики, раньше она приносила холод, что пробирал до косточек, какие-то мурашки по коже и белый пепел, убаюкивающий землю. Травы, цветы и даже бротошка крепко засыпали до потепления. Все животные зарывались на спячку. Птицы улетали далеко на юг, и охотиться было не на кого — только вороны кружили туда-сюда в поисках пищи. Я так и не спросил, ели ли люди ворон — а что им еще оставалось?

В то время созревали поля лечебных и не очень растений. Жить при убийственной жаре они не могли, так что приходилось сеять осенью и тратить много сил на полив. Большинство из них варилось в широких чанах, настои сливали для дальнейших нужд производства, а вываренную мякоть сушили на улице. Ее крутили в грубую бумагу — чаще всего в старые купюры — и продавали как сигареты через уличных барыг.

Серьезные вещества так просто не изобразишь. Для некоторых нужен был яд скорпиона. А «Пустышка», к примеру, выпаривалась по капле из горного кустарника. Целых четыре дня нужно было ждать, чтобы накапала маленькая бутылка, которую бодяжили нашим отваром и продавали на улицах.

Все это пользовалось большим спросом у остальных кланов, а также туристов. Правда, без ствола за пазухой и Христа на плече у заезжих моментально пустели карманы, а в руках оказывался контракт, подписанный одной из Семей. Ну что поделать — судьба.

Мы закончили уборку плантаций и принялись рыхлить почву для любимого всеми маиса. Он превосходно переносил обильную жару лета, да и уход был нулевой. Воронье доставало, но на это у нас была своя тактика: все дети и подростки собирались вокруг поля и палили по птицам. И маису приятно, и ребятня тренировалась.

— Как эту траву курят вообще? — пожал плечами парень, помогавший мне на ферме.

— Хочешь сигаретку, малый, покажу, расскажу? — бросил я.

Он сморщился и опять вернулся к грядкам. Восьмой раз за день жаловался на эту чертову траву. Скажу честно, и мне достало ее собирать: даже свежей любая трава мутила голову и клонила в сон, ослабляя всякую реакцию. Казалось, если меня о чем-то спросят, то я минимум минуту буду разбирать, какой человек стоит напротив.

Мы срезали последнее поле, скрутили веревками стебельки и начали сносить в подвал, где подогретые котлы уже ждали своего времени. Лаборатория располагалась под старым заводом. Не знаю, что тут строили давным-давно, но теперь это наш дом. Потрескавшийся фасад бетонных плит и ржавых панелей, металлическая крыша с заплатками разных цветов и мощные колонны, любезно державшие этот вес. Внутри было почти пусто, но за столько лет наша Семья разбила это пространство на два цельных этажа. Первый отводился для хозяйственных нужд: кухня, склады, комната сбора, а второй вмещал в себя только жилые покои. Оружейная

была вынесена отдельно в башню. Ее обхватывали наши плантации и старая железная дорога, которую мы обустроили под тренировочное поле.

Конечно, под заводом был и подвал: старые складские помещения стали первоклассной лабораторией в городе. Для нее мы починили древнейший тягач и привезли чугунные чаны, успешно демонтированные с другой фабрики. Пришлось перерыть всю Пустошь, чтобы найти их и стеклянные мензурки.

— Сюда заноси, аккуратнее, не задень стол, — не успел закончить я, как мой помощник и мой стол обменялись ударами. Ничего не упало, кроме дряхлой книги по ботанике.

— Все нормально. Кидай справа, малый, — ответил я на его молчание. — Сегодня заварим эту дрянь так, что вонять будет на всю Грешницу.

Он снова ничего не ответил, продолжая раскладывать растения на подстилку. Хороший парень. Замена растет, немного молчаливая, но это и хорошо. Давно пора сменить род деятельности, скажем, на разведку. Исследуешь себе Пустоши, находишь добро никому не нужное — несешь домой. А если старый склад или фабрику, где всяких шестеренок да еды навалом, так сразу форму новую дадут, кевларовую.

Мои действия уже стали походить на работа: за пятнадцать лет руки делали все автоматом, позволяя проигрывать любые мысли и воспоминания в моей голове. Так я и работал, мечтая о другой жизни, пока мои размышления не прервала протяженная глухая очередь.

— Это из пулемета стреляют? Недалеко? — поинтересовался паренек.

— Скорее всего да...

— У нас таким не тренируют же?.. — тихо продолжил он.

— Никогда и не тренировали... Пойду на улицу, побудь тут.

Помощник скривил лицо. Я выбежал из лаборатории на первый этаж. В складах никого не было, поэтому пришлось порадовать себя свежим воздухом.

— Ну и к чему эта суматоха? — сказал я себе, только оказавшись на улице. Нос учуял запах гари, жареного мяса и стойкий мужской аромат.

После этих слов я почувствовал чью-то крепкую ладонь на моем плече. Она не сковывала меня, просто легонько дотронулась, беспокоя своим весом. Я обернулся и увидел знакомого мужчину с черноволосым лицом и такими же глазами.

— Привет, братец, — кинул он, уставившись на бегающих вокруг солдат.

— Ноа... привет. Э... Что случилось, почему мы куда-то собираемся? — постепенно ускоряя темп, спросил я.

— Война у наших ворот. Мы с Генералом через час... — он посмотрел на часы. — Да, ровно через час идем брать притон Шмотти. Ты с нами?

— С ним... притон... Зачем, что она сделала?

— Она сделала достаточно за последние десять лет, чтобы Генерал потерял терпение, а мы ему помогли. И убила одного знакомого.

— Из нашей Семьи?

— Нет, но человека, которого нельзя забыть. Мы давно хотели избавить Шмотти от страданий. Мы выйдем, чтобы навсегда закопать эту мадам и отомстить, — твердо проговорил он, сжимая свою руку на автомате. — Ты идешь со мной. Все идут.

— Какой план? Тактика?..

Правда, он не услышал ничего из этого. Стоял себе и обсуждал, наверное, план. Но какой? Заметно подобраться к борделю в пятьдесят рыл, открыть дверцы и радушно всех приветствовать? Моему возмущению не было предела. Возможно, где-то я понимал, что нужно действовать быстро и что с нами выдвигается аж сам Генерал. Оружейный барон, с которым наша Семья завела прочные связи. Видимо, я так заработался, что пропустил все, что происходит наверху и какие планы были у Семьи на будущее.

В своих раздумьях я простоял очередные пять минут, пока не понял, что нужно готовиться. У нас же война, черт его бери. За почти двадцать шесть лет, а именно столько мне исполнилось этой зимой, это единственная война в самом грешном городе мира. Я отряхнулся от пыли и мыслей, что атаковали мою голову, и пошел себе на завод.

Хотелось сбежать от этих вояк с приказами и серьезным лицом. Но, неудача: внутри их было еще больше. Меня настигли пятеро солдат. Чуть прижавшись к стенке, я обошел этот совещательный «орган» и пошел в оружейную. От нее меня отделяли несколько обшарпанных коридорчиков, всегда занятая и грязная кухня и ее складские помещения. После них следовала лестница в одну ступеньку и тюремная решетка на всю площадь прохода. Она хранила весь наш арсенал под надежным замком, а также охраняющего эту самую решетку дяденьку. На вид пятидесяти лет с вьющимися угольными волосами. От его круглого лица веяло добром. Три раза я сюда заходил, и каждый он попивал какую-то баланду с наших плантаций. Одной рукой и одним глазом наслаждался чашкой «чая», а вторыми следил за оружейной и людьми, которые сюда забрели. И почему-то «чашечный» глаз с рождения был в полтора раза больше. За это его прозвали Циклопом — ему не обидно, и нам весело.

— О-о-о, ну как ты? Собрался уже с братом-то выходить? А? — мужик оторвал один глаз от чашки и уставился на меня обоими. И я в третий раз не понимал, в какой же глаз ему смотреть.

— Ну... Нет. Вот зашел к вам, чтобы приодеться, так скажем. Вы пойдете?

— Еще спрашиваешь? Мы всегда за Отцом пойдем! Дерьмо, мы же Семья! Пару охранников останутся разве что: за детишками присмотреть и дом прикрыть. А так все поголовно пойдем-пойдем.

— Да... И я тоже, с ним рядом. Мне бы этого... снаряжение там... — я повернул голову в сторону, чтобы осмотреться.

На стеллажах висели винтовки, ружья и дробовики. В шкафах с решетчатой дверью ждали своего дня пулеметы, автоматы: как старый калашников, так и новые, неизвестные мне модели. А над ними красовалась бесподобная снайперка с гравированным деревянным прикладом.

— Э-эт, тебе рано такое. Противотанковым ружьем ты дырок, конечно, наделаешь, но нужно что-то для средней дистанции. Легкое... АКСУ дать? — Циклоп начал рыскать по своим шуфлядам и шкафчикам. — Да, с Ксюши ты не стрелял никогда. О, ВСК соточку, может? Как думаешь?

— А-а, это типа автомата?

— Ага, правильно мыслишь, но нужно кое-что друго-ое... Дробовик, точно! Иди-ка сюда, девочка моя, — копошась среди ящиков, он достал Сайгу — почти единственное оружие, что я держал в руках. Пистолетами я баловался давно, всякие калашниковы мне не зашли, а вот дробовик — другое дело. С ним я действительно чувствовал уверенность. Тем более самозарядная Сайга: сочетание убойности и комфорта этого агрегата добились меня в плане выбора, которого у меня не было.

— Отлично. Я выдам тебе один экземпляр. Вдобавок каждому бойцу полагается пистолет, пара магазинов к нему и две осколочные гранаты. А на десерт припрятал энергозаряд. Что скажешь?

— Это что такое? Всем или только мне?..

— Лишним ничего не будет! На тренировках гранаты кидал? Вот энергозаряд — то же самое, только пробивает бетон. Для большей сохранности понадобится бронезилет и шлем в комплекте. Военной или энергоброни уже не осталось — солдаты все разобрали... Да и когда у нас энергоброня была?.. — задумался Циклоп и присел на свой стул, предварительно выдав вещи.

— Это все? — пытаюсь пролезть в броник, выдавил я.

— Да, иди-иди. Осталось всего лишь тридцать минут.

После полного обмундирования я кинул взгляд на старые часы. Секундная стрелка замерла, но это не помешало удостовериться, что какие-то полчаса отделяют меня от возможной смерти. Я убрал Сайгу за спину, повесил пистолет на броню и принялся прятать гранаты с глаз долой, дабы не подорвать всю оружейную. Постепенно у нее начала образовываться толпа, и я быстренько слинял на улицу, где уже строились вояки. Дело шло к вечеру и к войне. Если от солнца жарко не будет, то вот выстрелы и коктейли Молотова поднимут градус. Главное, чтобы у нас был план, и я собирался разузнать его у братца.

Ноа стоял неподалеку и сразу заметил меня.

— Шлем потуже натяни, а то болтается.

Я нервно подтянул застежку перед взором вояк.

— Спокойней, братец. Вместе пойдем, — Ноа опять положил свою руку на мое плечо.

— Я как раз собирался узнать про наш «поход».

— И что же?

— Например, что мы будем делать? У нас есть план?.. — после вопроса меня сразу начали сверлить взглядом военные. Угадывалось их недовольство моими сомнениями насчет нашей безоговорочной победы.

— В городе нас встретит Нимитз. С его людьми мы возьмем бордель за минуты, — заверил меня Ноа, слегка улыбнувшись.

— Хотелось бы надеяться.

Казалось, что все мои реплики заставляли служивых тихо ненавидеть меня. Я не хотел подливать масла в огонь и, когда они переключились на другую тему, тихо свалил — как и всегда. Не было желания разговаривать и со своим братом. За последние десять лет мы значительно отделились, и нас связывало только одно слово. Почему-то все в Семье до сих пор называли нас братьями.

Еще пятнадцать минут я потратил на проверку оружия, патронов к нему и остального снаряжения. В середине меня осенило, что я забыл, как поживает моя лаборатория. Ведь я оставил кипящие чаны и паренька без присмотра. Впрочем, мне было уже плевать. Ведь через пять минут я предамся земле, о чем оповестил сигнал к выходу наших бойцов.

— Давайте, братья. Отправим эту стерву в могилу! — крик молодого Отца облетел всю площадку перед заводом, на что последовали одобрительные возгласы.

Мы строились, как настоящие солдаты, что придавало мне уверенности. Я заставил себя пойти за братом, поверить в нашу победу. Хотя бы ради Семьи.

Наконец-то мы покинули ворота и направились напрямик по улицам, отгоняя всякую наркомань. Неприятно было осознавать, что, возможно, они употребляют мою дрянь. Но это их выбор и только. Как и жить среди грязного города. Повсюду горели бочки с мусором, валялись шприцы и битые бутылки. Некоторые «горожане» сидели на картонках, заливая свою пустоту алкоголем. Шныряли в поисках согласных самочек и укромного местечка на заброшках. Наверное, их жизнь не состояла из большего.

За очередным поворотом мы наткнулись на представителя генеральской «армии», который сообщил о месте встречи. Наши капитаны обменялись парой словечек и выдвинулись к старому институту какой-то там физики — дальше я не расслышал.

Мы миновали квартал, и перед нашим взором открылось высокое здание из бетона и выбитых окон. Хотя часть этажей была завалена, институт казался весьма надежным местом для укрытия. Когда-то здесь учили детей старым наукам, а сейчас это излюбленное торчками место сбыта. И почему в этом городе постоянно фигурируют наркоманы? Ни музыки тебе, ни развлечений. Ответом на этот вопрос было его название.

Рядом со зданием института нас ожидали бойцы Генерала. Я прикинул, что их около тридцати человек. Поголовно со штурмовыми винтовками и в военной броне усиленной

защиты. Иногда мелькала даже энергоброня, чему я очень удивился — никогда такую не видел живую. Мы направились прямо к ним, пока из толпы не показался исполинских размеров мужчина. Облаченный в бронекуртку, он вышел чуть вперед с пулеметом наперевес. Не было сомнений, что это Генерал собственной персоной. Правда, никаких погонов или фуражки, как изображали в книгах, он не носил. Ноа казался лишь мокрицей-выскачкой рядом с ним.

— Как здоровье, товарищ Генерал? — уверенно спросил он.

— Не хвораю, господа, но больно руки чешутся кого-нибудь завалить, — громко рассмеялся Нимитз, и все бойцы ответили взаимностью. — Пойдемте на охоту, Отец, Грешницу надо исповедовать.

Казалось, он специально юморит, чтобы подбодрить своих и наших солдат. Как ни странно, это работало.

Ноа пожал ему руку, и мы выдвинулись к борделю. Я все время держался своего брата, так что мог слышать их разговоры. Почти всегда тема касалась общего плана действий. Оказалось, что Семьи давно хотели убрать Шмотти из игры. Однако сдали назад по личным причинам, но размеченный план остался.

Колонна, ведомая Генералом, уперлась в разрушенную постройку. На фасаде все еще красовалась вывеска со ржавым крестом, легонько покачиваясь от ветра. Ни она, ни двухметровый вояка не отбрасывали тени — солнце наконец-то зашло.

— Капитан, по плану: десять бойцов под вашим командованием займут это здание. Прикрывайте тыл и снимайте снайперов с крыши, — без привычной улыбки приказал Генерал и перевел взгляд на моего брата. — Сформированный отряд разместим на том гребне полукругом. Будут прикрывать наземных бойцов. Только по команде, задача ясна?

Все люди тихо засуетились и начали занимать позиции. В этот момент мне стало ясно, что у нас действительно был план, который заранее обговорили. И немного обидно, потому что никто не считал нужным мне об этом сообщить. Хотя, кто я такой?

— Ноа, мы с остальными людьми заляжем тут и после сигнала от моего командира выдвигаемся к стенке. Держаться врассыпную — все как оговаривалось. Принято?

— Есть, Генерал, — шепотом ответил брат.

Когда мы обосновались у маленького холма, я смог разглядеть бордель получше. Десятки разноцветных вывесок немного искажали реальность, но отчетливые три этажа я обрисовал. На каждом из них виднелись патрульные снайперы: кто-то расхаживал, а некоторые осматривали окрестности в прицел. Само здание было бетонное, на некоторых стенах зияли огромные дыры отвалившейся штукатурки. Та стена, на которую мы уставились, казалась пристройкой из кирпича. Мы выжидали момента.

И ожидание долго не продлилось: в рацию скомандовали о начале операции, сигналом которой было словосочетание «распутницу на выгул».

— Повторяю, распутницу на выгул, — распорядился Генерал, и на улице с обратной стороны борделя прогремел небольшой взрыв. В воздухе пронеслась гарь, а на горизонте вздымалось внушительное облако из дыма.

Все как один, снайперы с крыши полетели мониторить ситуацию со взрывом. И как принято, за любопытство надо платить: Нимитз тотчас подал сигнал своему капитану. От такого неожиданного поворота событий у нас заложило уши. Отряд, занявший старую аптеку, начал отстреливать вражеских снайперов со всех калибров.

Помимо знакомых мне винтовок, которые незаметно снимали людей на крыше, я наблюдал за чем-то очень жестоким: некоторые патроны пробивали не только плоть, но и стены почти насквозь. После того как уши немного отошли, мне удалось услышать этого зверя. Тяжелый грохот, отдающий в голову — но повернуться и взглянуть я почему-то не решался.

Когда дело клонило к концу, Генерал поднял кулак над головой и через секунду разжал его. Человек, лежавший с нами, поднялся и пошел к борделю. Даже идти ему было тяжело — в руках был гранатомет. Не дойдя двадцати метров, он вскинул его на плечо, как мог, прицелился и пальнул в стенку. Тут я уже догадался заткнуть свои ушные раковины, поскольку взрыв был впечатляющий. Нас накрыл ветерок, а вот солдата откинуло на землю. В стене притона образовалось еще одно отверстие около пяти метров шириной и два этажа высотой. Каждая сторона этой дырки истощала дикое пламя, которое разносилось и на крышу, и внутрь здания. До нас доносились дьявольские крики, а воздух истончал ароматы горящего пластика и кожи. Не успел я насладиться зрелищем, как раздался сигнал о штурме — это я понял по сорвавшимся с места бойцам. Конечно, я слегка отставал от них, пока мы бежали к новой «парадной двери» притона. Все прижались к стенке и ждали, когда огонь успокоится. Никакого волнения не возникало, ведь нас прикрывали два отряда элитных бойцов. В крови был только адреналин, глаза горели, и я держался уверенно.

Спустя минуты три Генерал обменялся с рацией парой слов и начал активно жестикулировать. Как я понял, мы должны были разделиться и зачистить первый этаж здания. Я стоял справа с братом, так что мы завернули, логично, направо. В нескончаемых коридорах нам помогали около десятка бойцов. Все выполняли приказы только Ноа, хотя среди солдат были закаленные военные, которые явно служили в армии Республики.

Что странно, на этаже почти никого не было — только два в панике бежавших охранника. Можно было подумать, что из-за огня многие покинули бордель или поднялись выше. Брат отдал распоряжение разделиться еще больше, обходя все комнаты. Мы же взяли тройку бойцов и пошли к главному входу.

— Ну и где же эта стерва прячется? — сжимая автомат, проговорил один из них.

— Спокойней, парни. Один на второй этаж, остальные прикрывают, — братец указал на лестницу и прижал автомат к плечу.

Солдат аккуратно продвигался по лестнице, а затем подал сигнал, что всё чисто. Мы попали в холл, где располагались комнаты для отдыха и разных утех. Это было понятно по пестрой отделке, всякими сердечками и непонятной тканью. Наш отряд решил подождать остальных бойцов, и после их появления, побежал дальше. На улице слышались выстрелы, но времени и окон, чтобы полюбопытствовать, почти не было; мы продолжили путь.

За парой поворотов нас ждала засада. Несколько кинутых гранат, перестрелка — и мы положили около восьми человек ценой наших пятерых... Мне посчастливилось отправить на тот свет одного, который замешкался в проходе. Никаких эмоций я не испытал, его кровь была для меня скорее неожиданностью. Однако свои же похвалили за реакцию и первое убийство.

Мы бегло осмотрели людей Шмотти и побежали дальше. Запутанная сеть коридоров сбивала нас с толку, заставляла плутать туда-сюда. И только неожиданная перестрелка рядом вывела нас из лабиринта. Мы незамедлительно побежали на звуки выстрелов и наткнулись на серьезную стычку. Пока солдаты Генерала растерянно держали оборону возле лестницы, сверху наступали враги, которых поддерживали штурмовики на втором этаже. Наша группа наткнулась прямо на этих штурмовиков, так что мало-помалу, но помогли своим.

— В укрытие, граната! — крикнул боец за креслом.

За секунды все легли на пол, а те, кто мог, скрылся за диванами, цветочными горшками и прочей утварью. К несчастью, взрывом задело несколько солдат, два из них скончались. В общей сложности нас было не больше пятнадцати человек.

— Сукины дети! Черт бы их побрал уродовать свой же бордель, — возмутился Генерал, явно адресуя свои слова засевающим сверху людям. Он незаметно перебрался к нам поближе и шепотом добавил: Сколько вас? Вижу восьмерых.

— Девять должно быть... Первый этаж чист, на втором ждала засада. Потеряли шестеро парней, — доложил Ноа, ожидая ответного рассказа.

— Вот старая потаскуха, — кинул Генерал и грязно выругался. — Первый дался нам жарко: легли четверо. Второй прошли без потерь, и только на лестнице разменялись три на шесть. Еще два на чертовой гранате подорвались.

Он сложил свое оружие и начал обшаривать павших рядом бойцов на наличие патронов.

— Спасибо вам за помощь. Лежали бы уже в могилах. — Нимитз отсоединил магазин от лежащего на трупе автомата и показал нам. — У вас хватает?

— Да. Думаю, да. Но, а... Мы слышали, как стреляли на улице. Куда подевались бойцы? Генерал вздохнул и перевел взгляд на меня, как на самого молодого и неопытного.

— Они не уследили за тылом, и их застали врасплох. По рации передали, что капитан снялся с позиции без приказа, а остальные приняли неравный бой.

— Передал-то кто? Остались в живых?

— Один, — Генерал опустил голову и продолжил считать патроны.

— Значит они выиграли? Где он? — твердо спросил Ноа.

— Убит. Почти выиграли — двое раненых противников застали нас в коридоре. Видимо, это все, кто выжил на улице.

Я представлял себе, сколько трупов сейчас лежит на том холме. И залитую кровью траву, что отражала лунный свет. От этих мыслей меня передернуло, а лицо напрягло свои мышцы.

— На лестнице сидят минимум десять бойцов, которые не брезгают разнести нас и второй этаж всмятку. Отступать нельзя — мы пойдем в обход, господи! — Генерал встал и вставил полный магазин в калашников. Было видно, как он переступил депрессивную паузу и восстановил свой командный дух. Это было как никогда кстати.

— Есть, Генерал! — поднялись бойцы и мы с братом.

Через минуту, когда солдаты обобрали трупы и в последний раз проверили снаряжение, мы выдвинулись на поиски еще какого-нибудь входа на третий этаж. Один задержался, чтобы спустя некоторое время кинуть наверх гранату. Мне объяснили, что так противник не сразу раскроет нашего маневра. По крайней мере это подарит нам пару минут.

Мы все же обнаружили дополнительную лестницу. По виду она предназначалась для obsługi борделя — бетонная и грязная. Наша группа забралась на третий этаж и тихо продвигалась по комнате с ободранными обоями. Сквозь голые стены редко доносились крики. По ним Нимитз сделал вывод, что Шмотти потеряла достаточно людей, и ненамного превосходит числом. Мы легонько приоткрыли дверь и прошли коридор, в конце которого открывался вид на главную лестницу и сидящих там бойцов. Жестами Генерал указал, что нам необходимо занять позиции для стрельбы. Ни один жест я до сих пор не понимал, так что братец любезно объяснялся шепотом. Мы с ним расположились за статуей, осмотреть которую не было времени. Справа от нас был диван, возле которого ждали приказа еще три бойца. Пара легла на пол, а остальные за ними. Генерал, слегка пригнувшись, махнул рукой на диван и передал что-то тем троице.

Когда он подал сигнал, они загородили проход этой кожаной машиной, а мы открыли огонь по лестнице. Практически все противники моментально легли: сыграл эффект неожиданности. Однако диван тоже жил недолго. Некоторые бойцы успели среагировать и прошили обивку, а также наших ребят насквозь. Отряд лишился еще троих. Даже такие незначительные потери дались нам нелегко: лица солдат делались только мрачнее, а мой брат снял свой шлем, распустив черные волосы. Положил его рядом с одним погибшим, похожим на одноглазого охранника оружейной, и прикрыл ему глаза. Мысль о достойных похоронах слишком быстро нас покинула.

Не задерживаясь секундой больше, мы побежали дальше, надеясь как можно скорее закончить с главой Семьи. Оставшиеся вершить правосудие, а нас было десять, через роскошно обставленный холл вышли к заветным дверям. По обе стороны красовались два медвежьих чучела, приглашавших зайти внутрь. Но мы понимали, что скорее всего нас ожидают.

— Наши действия, Генерал? — спросил один из бойцов.

— Стоит попробовать то, на что они бы не решились — взрывать все к чертям собачьим, — шепотом ответил глава Семьи и принялся исследовать содержимое своего рюкзака. — У нас осталась взрывчатка или, скажем, энергозаряды?

Наступило неловкое молчание. Ни у кого, по всей видимости, не было из приведенного списка. «Да и что такое энергозаряды, — подумал я». Мгновенно в мою голову забралась мысль, что мужичок в оружейной не скупился мне на подарок. И в моем вещмешке должен быть какой-то энергозаряд. Пока все молчали и смотрели друг на друга, я закопошился и достал заветную гранату, больше похожую на обмотанную проводами катушку.

— Молодец, малый, — похлопал меня по плечу Нимитз. — Ноа, возьми его и двух бойцов, обойдите коридор и поищите стену, прилегающую к комнате Шмотти. Установите заряд рядом, по команде — стреляйте.

— Затем брать штурмом ее апартаменты?

Генерал кивнул, и мы выдвинулись на поиски. Ноа решил поискать комнаты по правую руку, что привело нас к широкому залу с множеством допотопной фурнитуры. Удивительно, но коричневое дерево все еще блестело при свете слабых лампочек, а кресельная ткань не имела отверстий или трещин. На секунду мне стало жаль эти стульчики и диванчики — это же часть нашей старой истории.

Ноа аккуратно пробрался меж расставленной мебели и как можно тише положил заряд на полку шкафа. Она как раз располагалась на уровне груди, чтобы охватить взрывом всю стену. Мы засели подальше и стали ждать сигнала. Как только послышался крик Генерала, брат выстрелил в катушку, а мы заткнули уши. Не помогло: то, с какой силой громыхнул заряд, заставило нас зажмурить глаза и пригнуться. Взрывной волны не было от слова совсем: он сдетонировал в стенку, раздробив кирпичную кладку и выстрелив ее осколками внутрь спальни. Там, где раньше покоился шкафчик, теперь образовалась дыра в другую комнату. Вдобавок к первому прогремел следующий взрыв. Походу, Генерал одновременно подорвал двери в коридоре.

Отряхнувшись от досточек бывшей полки, мы зацелили наш новый проход. Поднятая пыль ограничивала видимость, однако непонятное перемещение в комнате мы заметили и тут же отреагировали очередью свинца. В ответ кто-то завопил, и прилетели встречные пули. Слева происходило то же самое: палили без разбору. Один из наших закаленных в боях бойцов додумался швырнуть гранату внутрь. Через несколько секунд Ноа кинул еще одну — я не решился пытаться удачи.

Как только наши игры закончились, а люди по ту сторону перестали визжать, раздались звяканье патронов и металлический щелчок, словно что-то захлопнули.

— ЛОЖИСЬ! — скомандовали рядом, и я успел среагировать, поджавшись под кресло.

По комнате начали летать крупные щепки древесины, поддерживаемые осколками кирпича и бетона. Почти вся мебель превратилась в пух и ошметки кожи, заполонившие пространство. А вместе с ними и внутренности тех, кто не успел лечь на пол. Патроны пробивали камень, вылетали из человеческих тел и вгрызались в другие стены.

Носом я чувствовал мерзкий запах гари.

Минуту спустя грохот прекратился — явно крупнокалиберный пулемет перезаряжали. Выжившие с нашей стороны воспользовались моментом и подарили стрелку парочку свинцовых пуль — только звук удара мертвой туши о пол облетел комнату.

Несмотря на сильные потери с нашей стороны, раздался приказ о штурме помещения. Мы с братом обменялись взглядами, и он кивнул, одобряя услышанное. Снявшись с позиции, наш отряд быстрым шагом примкнул к отверстию, осторожно осматривая поле боя. Мы уловили рев Генерала, который уже ворвался в покои. Он осаждал оставшихся дождем из легкого

пулемета, и наша группа решила его поддержать. Перед нами открылась картина, написанная лишь кровью. Десятки трупов размокали в красной жиже, мусоре и гильзах. Последние два человека покинули этот мир от выстрелов Нимитза, а в отдалении виднелась она. Глава ныне громадного семейства, старая и уставшая от жизни мадам. Элегантный полушубок покрывал ее морщинистые руки, кровавая брошка на нем подчеркивала статусность. Глаза горели от ненависти и были направлены на нас. Как и ее нога, вместо которой к бедру прикрутили мудреное приспособление с шестью трубками. Оно опиралось на стол и в секунды начало крутиться. Если бы я раньше понял, что это сраный миниган, присобаченный к живой старухе...

Шестистволка выплевывала сотни патронов в минуту, но хватило лишь пяти секунд, чтобы закончить. Эффект неожиданности теперь был не на нашей стороне. Первым упал Генерал: бронекуртка не выдержала ни единого попадания. Огромной тушей он свалился у наших ног. Пара бойцов следом, и очередь дошла до моего брата. Его стройное тельце прошло насквозь, выплевав пару кусков плоти на стену. Один неполный вздох дырявыми легкими, и он упал рядом. Меня оттолкнули назад, и я принялся кричать что есть силы. Контроль над собой сменился паникой и неспособностью что-либо сделать. Я смотрел на еще теплое тело черноволосого парня, и только слеза спускалась, чтобы проститься с ним. В это время все, кто стоял в комнате, были уже мертвы. Шмотти меня не видела, но знала, что я за стенкой, и открыла огонь на поражение. Пули полетели справа. Приближались к моей черепной коробке. Но смятение, в котором я пребывал, сменилось намерением отомстить. Поэтому умирать я точно не собирался. «Не сейчас, Китан, — сказал я себе».

Я понимал, что если нападую на старушку, то непременно окажусь в могиле. И принял единственное верное решение — бежать как можно дальше отсюда. Не поддаваться слабости, а спускаться на первые этажи и выходить из кладбищенского лабиринта. Миновав все лестницы и спустившись к выходу, я сбил своим весом какого-то бойца. Опомнившись, он хотел поднять пистолет, но быстро получил заряд дроби в свою грудь. Я взял его оружие и, перепрыгивая труп, выбежал из борделя. Смятение роднилось с яростью, глаза горели и слезились.

Передо мной открылся холм, откуда нас прикрывали два отряда. Никого в живых. Ландшафт разбавился трупными мухами, частями тел и огнестрелом — я моментально повернул в сторону, вспоминая дорогу. Ориентиром послужило высоченное здание института, целые стекла которого отражали лунный свет. Я не помню, сколько бежал до центральной улицы города, но дошел живым, не обращая внимания на усталость. В воздухе резко завоняло гарью, а все наркоманы куда-то исчезли.

Меньше, чем через десять минут, я увидел источник неприятного запаха. Нашу ферму охватило пламя, завод испускал клубы дыма, хотя труб для этого не было. Я не скупился более на слезы и побежал внутрь. Всё, что было мне домом двадцать шесть лет, превращалось в топливо для костра посреди Грешницы.

Я ворвался в здание завода и звал людей, но нашел лишь остывшие тела. Я искал помощника, но видел только останки. Я забежал в лабораторию — и осознал, что это конец. Человек в кожаном пальто сжигал наши записи и книжки. Мои руки сами навели Сайгу на огнемечика и нажали спусковой крючок. Упав на пол, тело задело люк и свалилось куда-то вниз. Я подошел к выпавшему огнемету и пнул со злости ногой. Потом обратил внимание на его топливные баки и на свою Сайгу — затвор дробовика остался сзади. Это означало, что магазин пуст. Я вынул его и убедился в этом. Зря.

— Семьи больше нет. Мы сожгли вашу плантацию, а наша Мать позаботилась об Отце. Как видишь, это конец, — послышалось на лестнице вместе с щелчком предохранителя.

Я обернулся и увидел, что на меня смотрит солдат и его ствол. Наши глаза встретились, и он продолжил:

— Печально, что у тебя опустел магазин. Однако, это очень удачная ситуация для меня, не правда ли? — человек поднял бровь. — Ты предпочитаешь сгореть молча или все же скажешь последнее слово и умрешь быстро?

Огонь захватывал все больше и больше пространства лаборатории. Мензурки пугливо лопались, а пластиковые трубочки токсично плавилась.

— Ладно, назовешь хоть свое имя? — солдат вздохнул и приготовился к стрельбе.

Мое сердце сжалось еще на первой фразе, и я не смог ничего выдавить, как и при смерти брата. Губы дрожали от бездействия остального тела. Оружия не было, разве что пистолет. Но пока его достанешь — труп. Да и скажешь слово, будешь молчать — тоже. «Нет выхода, — сказал я про себя, шагнув от страха назад». И провалился через люк. Сверху послышался отборный мат.

Труп внизу смягчил падение, а леденящая вода заставила мои мозги работать. Мне пришлось выбираться. Я оглянулся и понял, что стою по колено в луже, которая образовалась в тоннеле. Много слухов ходило про подземную железную дорогу, но своими глазами я ее увидел только сейчас. Старое метро со ржавыми рельсами, лопнувшими бетонными стенками и лестницей в мою лабораторию. По которой, как я смекнул, ко мне могут спуститься преследователи. Отойдя от воды и трупа, мне в голову стукнула мысль, что единственная возможность отомстить — это бежать отсюда. Потому что в этом городе меня ждет одна смерть. От огня или пистолета бандитской Семьи — неважно.

И я побежал, истощенный и израненный. Вперед, не разглядывая местные достопримечательности. Но куда потом? Как я смогу отомстить за последнего брата, имея пустоту в своей жизни? Ее необходимо было заполнить, иначе она обглодает мое тело похуже любой болезни. Нужно податься в такое место, где имелось достаточно возможностей и причин, чтобы положить конец грешному пятну на карте нашего мира. Лишь один город не имел себе равных в этом плане. Главный перекресток всех путей, караванщиков и компаний — Столица. Там я смог бы обрести себя, найти ту ниточку, что соединяет меня и мое предназначение.

Спустя какое-то время, пока я самоутвердился в сказанном, мои боты привели меня к еще одной лесенке. Довольно далеко от места падения: скорее всего это был выход.

Я начал жадно забираться по ней, тяжело хватая местный воздух. Силы иссякли, рана на плече зудела, но я продолжал. Исследуя каждый сантиметр железа, мои руки продвигались по вертикальным перилам. Ноги карабкались выше и выше. Глаза полыхали, смотря на потолочный люк, который придется сдвигать. Я знал, что останавливаться нельзя, и поэтому ускорил шаг. Меньше чем за час я сделал вторую ошибку, которая могла стоить мне жизни. Тяжело поставленная ступня оборвала ржавую ступеньку, и я полетел вниз.

* * *

И лишь капли стекают со стенок бывшего метрополитена. Легкий ветерок проносит их дальше по тоннелю. Прямо на мое лицо, наблюдающее за длинной щелью в бетоне. Оно замерло в ожидании спасения, слегка светится от падающего света приоткрытого люка и ощущает холод отравленной воды. Я лежу, закованный болью, посреди рельс и хлама, поросшего мхом. Казалось, я скоро сам впишусь в местную экосистему мокриц, растений и грибов. Интересно, что на мне вырастет: белоснежный цветок, что до конца жизни последует за светом, или гнильцы — плодовые и вонючие грибочки. Может, это будет просто мох, как напоминание моей посредственной жизни. Вроде не ядовитый, растет и растет себе. Никому не сдался.

Мысль за мыслью сменялась внутри, иногда оставляя место для медитации. И тут появилась еще одна: если за мной гонятся, а я разлежусь тут посреди тоннеля, думаю, преследователи не прилягут рядом. Просто застрелят — быстро и легко. Не надо будет корчиться от боли в

ноге. Но тогда моя жизнь была напрасной — тоже аргумент. Прележав какое-то время в своих фантазиях и воспоминаниях, взвесив все за и против спокойного или не очень сна в метро, я решил, что надо. Сука. Бежать.

Я поднял свою голову и сразу упал: подскочило давление. «Не семнадцать лет уже, — сказал я себе». Надо по-тихому, осторожно. Рана сзади слегка кровоточила, поэтому пришлось опираться сначала на руки, а только потом на правую конечность, аккуратно подтягивая левую. Я поднялся, держась за лестницу, и попытался встать на первую ступеньку — получилось. Крепко обхватил боковые перила перчатками, чтобы не переносить вес на левую ногу. Так и пошел до конца, пока не уперся в металлический люк. Сдвинул его одной рукой, но выбраться сразу не смог.

Меня тут же залило солнечным светом, обжигающим глаза. На секунды я полностью ослеп. Зажмурился и склонил голову, будто прося прощения у звезды за содеянное. Через минуту меня отпустило, я бегло вылез и осмотрел открывшийся мир. Одна пустыня без единого дерева: только кустики мелькают вдалеке, смешиваясь с силуэтами одиноких домиков. Солнце и выжженная земля — Пустошь, как мы ее называли.

И я побрел по ней. В поисках мести.

Глава 2. Пустошь забирает слабых

Резвая ящерка мелькала среди камней. Выползла, чтобы погреться в лучах утреннего солнца. В это время немного желающих разделить ее на завтрак, и она спокойно поднялась на самую высокую точку в округе. Здоровый кусок железобетона, что бросили тут как напоминание прошлому. Он совсем не в одиночестве отбывал свои деньки. Это было излюбленным местом ящериц, которые наслаждались солнечным купанием, и насекомых, что скрывались от дневного зноя. Не говоря уже о караванах. Солнце заставляло их часто останавливаться в тени, чтобы передохнуть и пополнить запасы у мелкого ручейка. Перед этим следовало убедиться, что вода пригодна, а на противоположном берегу не целятся в лоб. Впрочем, ни караванов, ни рек здесь не было.

Истоптанные выючными животными тропы находились далеко: в более благоприятных для торговли местах. Там еще сохранились устья рек, вокруг росли низкие кустарники, сменяемые редкой травой. Где-то можно было встретить отголоски бывших дорог и придорожных забегаловок. В них уже не устроишь ночлег, но привал сделать можно. Особенно уставшему от десятичасового перехода отряду. Главное, не наткнуться на посторонних. Зверей или бандитов.

Такие караваны нередко сопровождали разведчики и охранники, отвечавшие за безопасность. Первые служили каравану глазами. Осматривали местность на километры вперед, дабы исключить возможность потерять все добро. Вторые держались товаров: их задачей была защита. Оружием, телом — неважно. Если дорога пройдена гладко, то им выплачивали премию. Не совсем гладко: два варианта. Либо ты умирал, и деньги сжирали мутанты вместе с караваном. Либо погонщик отдавал концы: монеты можно было прибрать к рукам.

Собственно, сам погонщик контролировал все происходящее, в особенности скот. Почти всегда он отвечал своей шкурой перед торговыми компаниями, реже — являлся владельцем личного каравана. В таком случае у него в запасе появлялась бесконечная харизма и сила воли. Иначе никто не желал каждый день рисковать в Пустоши. Деньги, конечно, меняли положение дел. Ручки сразу тянулись вверх, на коленках заключались контракты, а походные рюкзаки шатались за спиной.

Хотя земля была протоптана, и караваны покорно шли по ней, никогда нельзя исключать шанс нападения. Многие решались начать свое дело, но судьба распорядилась, как всегда, ни с кем не советуясь. Напоминанием о таких отважных погонщиках стали разбросанные кости и деревянные ящики. Каждый километр дороги представляет собой маленькую историю и кусочек прошлого: величия, бедности, безысходности и смирения. Вокруг да около валялись черепа, пластиковый хлам, что не смогли поглотить звери. На замену не растущей траве приходили стекляшки, стреляные гильзы, точно градом укрывавшие землю.

Я неожиданно проснулся от скачущей по коже ящерицы. Видно, мой темный броник казался ей очередным горячим валуном. Отряхнувшись от пыли и остальных тварей, я взялся за голову. Она трещала, не давая вспомнить, что произошло и почему мое тело зарылось в песок. Люка, через который я покинул метро, рядом не наблюдалось, как и любых бетонных строений. Ни знаков, ни ответов. Одни только вопросы вылетали сквозь пересохшие губы. Я осторожно взглянул вверх. Солнце только встало — значит мне удалось выйти из Грешницы незадолго до восхода. Или... Целые сутки назад?! «За день я бы не выжил — это точно, — подумал я и попытался встать на ноги».

Жажда постепенно брала свое. Нулевая реакция, ноющие конечности и затуманенный рассудок мешали движению. Меня шатало, как любого торчка. Только наркотиком была обычная газировка, которую в Пустоши не сыщешь. Встречались грязные ручьи, сменяемые такими

же грязными лужами. Каждый из них мог решить проблему «ломки» и добавить новые. Например, отравление. Но какое дело до состояния желудка, если основная цель — выжить.

При таком раскладе полуденная жара закопает меня раньше, чем любые охотники за головами. Но гнались ли они? Рыскали в метро, шуриша автоматами? Ждать ли засады в ближайшем городе? Меня снова атаковали вопросы. Наверное, я последний выживший из Оханы — так величали нашу Семью и брата. А пока жив хотя бы один — живет и Семья. Это значило, что меня попытаются найти и закопать. Нельзя передать словами, как я негодовал из-за этих обстоятельств.

Мысли укрепили отсутствующую уверенность, но я решил действовать. Я попытался определить, в какой стороне лежит незабываемый город. Горизонт наводнили мелкие заброшки и голые холмы. Поэтому адекватного ответа на мой вопрос я не получил. Мне стукнуло в голову найти гору и забраться повыше, чтобы осмотреть округу. Я хотел понять, куда идти в этой чертовой пустыне.

Учитывая мое самочувствие, путь дался нелегко. Рана на плече снова начала зудеть, но на фоне истощенности организма и головных болей это было меньшей проблемой. Позже, когда появится вода, порезы необходимо будет промыть и перевязать: риск инфекции никто не отменял. Лихорадить и через неделю помереть — плевое дело в наших краях. И лишь крупные города позволяли себе врача, чтобы такого избежать. Что творилось в остальных? Кладбища и помойки.

Финальные метры высокого холма я преодолел лежа, потому что ноги отказывали в услуге. Как только моя голова перелезла через песчаную грядку, я увидел обрамленную горными хребтами пустыню, которой не было конца. В отдалении виднелись жалкие речушки, готовые иссохнуть и вновь обратиться песком. Неприметные лесные чащи, состоящие из мертвых деревьев и кустарников. Наверное, скудная растительность вокруг них завлекала пригодных в пищу зверей. Мой живот утвердительно заурчал.

Невдалеке я заметил протяженную старую трассу, по которой некогда катились машины. Отдельные пролеты держались на «ножках», постепенно раскачивались ветром и впоследствии отдавались воле пустыни. Именно эти дороги служили ориентиром для караванов. Их же любили бандиты, выслеживая слабозащищенные группы.

Моему взору открывались и далекие города — смутно и размыто. Язык пытался сложить их названия, но получалась белиберда. Похоже, рассказы, кочевавшие из бара в бар, от пьяниц к торгашам, навсегда покинули мою голову. Зато одна мысль удачно закружилась: если я сейчас наблюдаю главные торговые пути Пустоши и выжившие селения вдалеке, то Грешница осталась позади?

Я перевернулся на спину и замер от удивления. Вот он, город как на ладони. Всего пару километров пути. Десятки вывесок и огоньков до сих пор мерцали на зданиях, завлекая деньги, а вспышки выстрелов переливались со сверкающими фонариками. Все работало целый день и целую ночь, удовлетворяя любых клиентов. На месте родной фермы, как и над осажженным притоном, стояла дымная туча. Она являлась предупреждением путникам, что сюда лучше не соваться. Я перевел взгляд на завод, и переполнявшие меня чувства заставили дернуться, ведь сам он выстоял, но на стенках тревожно отпечатались языки пламени. Крыша частично осела, а от оружейной башни остались лишь металлические решетки. Я первый раз видел город с такого расстояния, свой дом, свою ферму. И Шмотти забрала все из этого, вырезала под корень и сожгла. Только заброшенный институт монументально возвышался над этим хаосом, символично указывая на грехи.

«Если я там не погиб, пустыне тем более не похоронить меня, — подумал я и откашлялся». Горло пересохло в край, а значит пора сматываться на поиски воды.

Вторая попытка высмотреть что-нибудь в бесконечной пустыне принесла результат. Мой глаз зацепился за крохотный придорожный магазинчик, находящийся в углублении. Со стороны трассы его закрывала гора, что повышало шансы стать единственным посетителем. Рядом теснились ржавые остовы древних машин и такая же бензоколонка. Старая и одинокая, давно забытая временем и людьми. Ненужная даже во времена энергетической революции, потому что все наслаждались новым топливом, а жидкий дизель ушел в небытие. Я осмотрел прилегающую территорию на предмет посторонних и, прихрамывая, выдвинулся в дорогу.

Точнее, мне удалось только перекатиться через песчаную гряду и кубарем полететь вниз. Камней и других препятствий не встретилось, что уже было радостно — кости остались целы. Песок немного смягчил путешествие, однако неожиданная встряска точно не пошла на пользу моему организму. Голова закружилась еще больше, а раны загрязнились, что увеличивало риск заражения. В таких условиях, когда из медикаментов были грязные тряпки, порезов лучше не иметь. Я отмахнулся от пыли, потихоньку поднялся на ноги, прикинул примерное направление и аккуратно задвигал бедрами. Левое продолжало ныть.

Заправка оказалась не так далеко, как представляли мои глаза. Около километра я ковылял до колонки, часто оборачиваясь назад. Не хотелось маячить у кого-нибудь в прицеле. Потому что даже посредственный стрелок способен расправиться со мной. Может, не с первого раза, но куда я мог убежать?

Мне не удалось найти источник воды, собственно, чего я ожидал: вокруг одна пустыня. Ни единого родничка или грязного водоема — около заправки пересохло абсолютно все.казалось, именно она является причиной всех бед, своеобразным генератором опустынивания. Из-за нее каждый кустик представлял собой мертвые палки, воткнутые в песок. И из-за нее же здесь не появлялись звери.

В один миг я подумал, что ржавая колонка была проклята. Как в старых книгах, описывающих магию, чародеев и странных существ. Где на дома накладывались чары, мертвые восставали против живых, а по городу ходили кошмарные легенды...

Мои фантазии закончились, когда я наконец-то дотащился до заброшки. Глаза с тоской всматривались в забытое строение. Столько лет она одиноко ветшает, и даже песчаные бури не способны облегчить ее бремя. Трещины в песке и асфальте подходили прямо к зданию, слегка оголив помещения внутри. Окна полопались и заросли плющом, но вместо пышной зелени на них висела решетка из сухих веток. То, что осталось от плитки, было усеяно битым стеклом вперемешку с мусором.

Я стоял напротив колонки, рассматривая изъеденные коррозией внутренности. Вживую мне не удавалось потрогать такое устройство — только увидеть картинки. Пальцы с интересом обхватили нечто, похожее на пистолет. Снизу удобно располагался рычаг, видимо, для подачи топлива. Жидкого и горючего. Я нахмурился. И как люди этим пользовались? Прольешь, и одна сигаретка наделает много шума. Хорошо, что человечество в свое время отказалось от такого топлива в угоду нидизелю.

Остатки двери, разделявшие улицу и магазинчик, висели на соплях. Думается, что один толчок сметет дверные петли, а вместе с ними и пол здания. Я аккуратно толкнул их и протиснулся внутрь. Первое помещение встретило пустыми полками, которые были сдвинуты к краям комнаты, зато в центре красовался костер. Видно, сюда иногда заходили передохнуть. Бутылки, консервы и опять бутылки — все валялось неподалеку, говоря о том, что посетителей было достаточно. Я жадно всматривал какой-нибудь напиток или наполненную водой емкость. Хотя бы баночка газировки, скажем, прозрачного «Кварка» или лимонада. Однако

старания моих глаз были напрасны. Мне ничего не оставалось, как сглотнуть и исследовать дальше.

В углу постройки тосковала уборная, через обрушенную крышу которой проникал песок. Половина помещения из-за этого оказалась недоступной, но остальная продолжала сопротивляться пустыне. Напротив голого прохода расположилась касса, представленная множеством шкафчиков и длинной столешницей. За такое время ящик кассового аппарата опустел, но меня волновали не деньги. Вот всевозможные полки и тумбочки под низом — совсем другое дело. На них продолжали отбывать заключение потертые журналы, банки-склянки, рядом лежала электрическая плата и пара неизвестных мне инструментов. Некоторые шуфляды таили в себе только паутину, те, что находились по левую руку, заполнились мусором. А к дощатому полу прилегали другие, аккуратно заваленные досками. Казалось, что приходящие сюда специально сложили некий пазл, который надо было разгадать. Мои глаза неожиданно загорелись, и я начал разбирать этот завал в надежде на что-нибудь ценное. Осмотрев полку, я ничего не нашел. Но, пошарив руками по сторонам, пальцы нащупали что-то достаточно тяжелое. Похоже, кто-то спрятал здесь вещи на случай непредвиденных ситуаций. Каково было мое удивление, когда я вытащил оттуда бутылку популярного ранее напитка: легкое, слегка сладковатое пиво темно-бежевого оттенка. Эта изношенная этикетка, гласящая «Голден Мерфи», гладкая поверхность стекла, по которой скользят руки. Спустя столько лет она сдержанно отражала блики солнца и не растеряла своей изящности. Я приставил бутылку к краю стола и стукнул по крышке со звездой. Она вылетела, наполняя окружение манящим ароматом. Мои губы сделали первый глоток, освежающий горло, а после и второй, и еще один. Желудок наполнялся живительной влагой, а тело благодарило небеса за спасительный подарок.

Тайник оказался далеко не скромным: мне попала пара таких же бутылок, ножик, удивительно короткий револьвер, спички и чистые тряпки. Может, тут было логово шайки головорезов или тот, кому принадлежал клад, давно умер. Я не знал, но любое добро точно пригодится. Бутылки пойдут на воду, револьвер пополнит коллекцию оружия, а тряпками я наконец-то перевяжусь.

Мне пришлось тщательно промыть рану перед тем, как наложить повязку. Для этих целей вполне сошло пиво, ведь оно содержало алкоголь. Собственно, другой жидкости у меня не наблюдалось. Бедро продолжало постанывать, однако при осмотре порезы отсутствовали: только здоровый синяк красовался на коже.

После необходимых процедур я повернул голову на улицу. Тень от заправки тянулась на несколько метров вперед, а значит время клонило к раннему вечеру. Теперь мне требовался полноценный отдых, чтобы восстановиться. За ночь мое тело избавится от усталости, возможно, головной боли. Подлечится и будет готово выступить навстречу приключениям. В принципе, меня устраивало это место в качестве ночлега. Как я помню, от беспокойного мира заправку прикрывала гора, вдобавок она находилась в низине. Если кто и сунется сюда, так это за своим кладом, который я успешно опустошил.

Для подготовки спального места хватило бы и пары досок, но спине хотелось отдохнуть получше. Я начал стягивать все мягкое к новой постели, скрываемой уголком из шкафчиков. Бумага и газеты, удачно собранные вокруг обрывки одежды и куски ткани, нетронутые молью — все стелил на пол. Под описание сошел даже картон. Мои пальцы проверили магазин пистолета и прижали его к груди. Я улегся, воображая будущее. Отрубился прямо под кассой.

Моя голова, подобно голове обколотого шизика, генерировала сотни правдоподобных сцен, меняющихся по щелчку пальца. Сны, которые я снил, не имели ничего общего с оптимистичным видением будущего. Они погружали в отчаяние, заставляли капли пота течь по моему лицу. Возвращали на место смерти моего брата, в тоннели. Я видел Шмотти, кости и тела, новое кладбище возле плантаций... Образы Семьи являлись и окружали меня, нашептывая свои наставления. А после обращались прахом, проносясь по ветру. Я видел Республику.

Строй и дисциплину солдат. Первого Лидера, что по взмаху руки отправляет всю армию Столицы на запад, готовясь избавить город от грехов. Я увидел маму. Силуэт матери, скрытый во мраке ночном, но подсвеченный полнолунием. Длинные волосы, средний рост, платье — ничего более. Образ.

Через сон я слышал звуки, которые усиливались с каждой минутой. Сначала взрывы, шум перестрелки, пулеметную очередь. Треск древесины и тлеющих углей. Шуршание воды и грохот падения в нее. Ругань, бег по рельсам, разносящийся гулким эхом по тоннелям метро. А затем громкий скрежет, напрочь заложивший уши. Более я не смог отдаваться сновидениям и проснулся в мокром поту.

Сердце колотилось, мешая как следует прислушаться. Я развернул голову и наострил второе ухо: звук доносился снаружи заправки. Неужели кто-то пробрался в заброшку? Или меня выследили и сейчас убьют? Или хозяева тайника вернулись на стоянку, а склад-то разграблен...

Я аккуратно привстал, держа пистолет наготове, и прижался к тумбочкам. Ничего не оставалось, как высунуться из-под кассы и стрелять на поражение, что я и сделал. Но никого не оказалось ни в помещении, ни на залитой солнцем улице. А звук продолжал беспокоить мои ушные раковины. Если это не люди, то, может, бешеные псы? Тогда следовало держаться укрытия и отстреливать тварей по одному. Гул усиливался и бурил мою голову настолько, что я не выдержал давления, желая побыстрее с ним расправиться.

Я зашагал к двери, обходя источник звука по широкой дуге. Постепенно ускоряя шаг, вырвался на улицу, готовясь отвесить свинца беспокойным гостям. Но увидел лишь одного: уродливое создание с огрубевшей кожей и костяными шипами на спине, точно позвоночник вырвался наружу. Оно одиноко скрябало камень чуть раздвоенными толстыми когтями. Искало пропитание, как и все, кому посчастливилось сюда попасть. Краем глаза существо заметило меня и развернулось, злостно прошипело, а я, испугавшись, начал палить.

Пары выстрелов хватило, чтобы животное замолкло. Одна или несколько пуль пробили ушастую голову, окончив его дни. Не знаю, стоило ли тратить патроны, но шум был точно лишним. Он мог привлечь зверей побольше и, что еще страшнее, людей. Бандитов, караванщиков или моих возможных преследователей. Задумавшись, я решил уйти отсюда как можно быстрее, не рассчитывая на продолжение сна. Это рискованная затея, а рисковать я не хотел.

На эти мысли живот начал возмущаться и ворчать, словно старый дед. Я прекрасно понимал, что рядом валяется тушка — красное, розовое, да кто его знает, какое мясо. Единственная еда на километры вокруг, вот она: лежит, ожидая мокриц или хищников. Или моего рта, ранее пересохшего, а теперь атакованного слюнями.

— Ладно, ладно, хватит! — выдавил я бурчащему животу. — Пять минут на перекус и сборы, не более...

Вырезать пару кусков мяса, освежевав зверька, не составило труда, благо сбоку висел ножик. Сложив тряпочки и другие остатки кровати на кострище, руки принялись за спички. Мучился я недолго: мясо на камнях вышло жестким и жилистым, а желудок обрадовался хоть чему-то за эти два дня. Перед отправкой я завернул то, что не доел, связал из тряпок небольшой узелок и закинул туда мои вещи. Револьвер и ножик оставил на бронике — могли пригодиться. Опустошил очередное пиво и взял с собой пару пустых бутылок в надежде на чистую воду.

Правда, чистой давно не было. Все ручейки, речки и лужицы были отравлены. Вся земля была отравлена химикатами. Мне рассказывали про культивирование земель и разработку передовых удобрений. «Рост за пять дней, урожай тоннами» и прочая белиберда. Может, так и было, но из-за них почва стала непригодной для роста. Хотели больше — получили ничего. А теперь вместо земли и вовсе песок.

Пришло время покидать заправку и идти дальше. Но вот куда? Окинув взглядом местность и выяснив, что сейчас около девяти-десяти часов, я надумал отправиться на юго-восток.

Чуть правее солнца высились излюбленные караванщиками города. Рудные и угольные шахты, фермерский городок и многое, про что мне удалось услышать, будучи ребенком. На пути лежала необъятная пустыня, где можно нарваться на хищников или караваны. Повстречать такую торговую повозку означало два варианта. Либо меня убьют, просто чтобы не было лишних проблем. Либо не захотят шуметь и за приличную сумму согласятся довести до ближайшего поселения. Правда, у меня ни гроша — только револьвер да бутылки. Конечно, есть шанс того, что мне помогут, но караванные компании не благодетели: должок все равно припомнят. Бизнес, деньги — все дела.

Мне оставалось дойти до первого города и попытаться сбыть информацию о том, что творится в Грешнице. После я надеялся попасть в Республику, чтобы сделать то же самое. Может, их очередной Лидер поймет, что выдался хороший шанс захватить территорию. Установить контроль за наркотиками и разворотом на десятилетия вперед. За подобные сведения вполне могли дать местечко в разведке, если меня никто не опередит. В любом случае я знал и видел намного больше.

План был составлен, и ноги уже передвигались по выжженной пустыне навстречу неизвестности. Я решил держаться холмов, чтобы укрыться на случай нападения и самому осматривать угрозы. Скорость при этом почти не падала, а дышалось намного легче. Тень от холмов, как и они сами, могли скрыть от жары, пуль или песчаной бури.

В моем узелке валялась всего одна бутылка прохладного напитка, так что первой целью оставался поиск воды. Пара речушек брала начало на юге — их было видно с горы — но куда шли дальше, я не знал. Ответ пришлось искать, тщательно высматривая складки местности.

Во время путешествия я заметил еще одну скалистую вершину. Два хребта тянулись на запад, открывая превосходный вид на восточную часть пустыни. В той стороне как раз брали начало горные потоки, которыми питались здешние реки. На правом склоне можно было разглядеть длинную тень, надеюсь, ее отбрасывал свод пещеры. Если мои предположения верны и пещера глубокая, то в ней, вероятно, ждало своего часа пресное озеро. И там можно будет встретить отнюдь не скудную растительность или животных.

Подъем на гору доставил немало трудностей. Теперь уже ссадина на плече немного покалывала, а бедро все продолжало ныть, будто маленький ребенок. Сначала ему не нравится, что ты бежишь от смерти по рельсам, после — ищешь воду, ну и гора — как не пожаловаться. Не обращая внимания на невзгоды, к которым добавлялась жара, я аккуратно продвигался по склону в надежде понять, что давало такую тень.

Наконец-то ступив на плоский участок, я вытер пот со лба. Поднял взгляд на бескрайнее углубление. И действительно: под одним хребтом затаилась небольшая пещера, манящая ее исследовать. Ее серовато-черный свод на ощупь оказался сухим. Песчаные почвы красноватого оттенка вокруг также не содержали влаги, но я и не думал отчаиваться. Если какое-то ответвление заканчивалось водой, то оно залегало значительно глубже. Может, в тоннелях я повстречаю железные руды, а пещера окажется шахтой — кто знает.

Любопытство не взяло верх, и я отошел от входа, выйдя на выступ. Важно было осмотреть местность и убедиться, что никто мне не помешает.

Километры песка и камня, все та же бетонная дорога, носившая название трасса. Чуть дальше расположилась примечательная сопка с невероятной долиной. Ее я видел в прошлый раз, ее я вижу и сейчас — только ближе. Спускающиеся потоки рождали так необходимую Пустоши жизнь. Еле видная травка, высохшие деревья и мелкие кустарники — все могло оказаться пристанищем для диких зверей. Исток речушки ветвился, и воды тянулись дальше и дальше на восток, пока не терялись в пустыне. Ближайший такой ручеек протекал недалеко: несколько километров от меня.

«Сегодня я точно успею набрать бутылки, — подумал я и улыбнулся».

Рядом с этим местом никого не было; глаза осмотрели весь предполагаемый маршрут: чисто и гладко. Тут зрачки напряглись, заставив шею податься влево. Ближайший холмик оставлял почти невидимый след дымка от костра. Скорее всего это очередной караван, который через час-два отправится в путь. Никакого значения ему не стоило придавать, если не шуметь, как в прошлый раз.

Я поразмыслил и пришел к выводу, что после пещеры пойду к ручью. Набрав воды, смогу найти укрытие до наступления ночи и поужинать. Завтрашним днем выйду на тропы, ведущие к ближайшему городку. Послезавтра, может...

Текущие мысли вдруг исчезли, обратились памятью. Их перебило протяженное рычание, доносящееся сзади. Ничего не помешало звуку встретиться с моими ушами — прямо как было задумано.

Моя голова и тело асинхронно обернулись, глаза вгрызались в пустоту под сводом, жадно высматривая некий объект. Через секунды из темноты начала появляться светлая морда, покрытая угольными полосами. Оскаленные зубы со стекающей слюной заставили меня окаменеть и приглашали наблюдать дальше. Манящие голубые глаза, которые брали под контроль мое состояние. Полуволок постепенно выходил наружу, открывая свои тонкие лапы и шипованный позвоночник. Он протянул лапой по песку, указывая, что схватка началась. Его рык, верно, был предложением боя. И у меня не было возможности отказаться.

Теперь я понимал, что содержит в себе красный песок под нами. Железными рудами тут не пахло, зато сколько поверженных врагов легло от когтей существа. И их кровь как история впечаталась в эти почвы, напоминая, что не стоит сюда соваться. Я был предупрежден и не внял знакам, за что эта гора станет мне могилой. Интересно только, что происходит с вещами путников? Ест ли кости эта собака?.. Наверняка в пустыне не так много еды, чтобы оставлять столь приятные лакомства...

Наши взгляды до сих пор пересекались, но никто не спешил действовать. Все ожидали первого шага. Если волк сохранял внутреннее спокойствие, то я растерялся и паниковал. Дрожь моих рук виднелась издали. В мертвой тишине крохотное сердце настукивало по два, а то и три удара в секунду. Со лба сочился пот, собираясь в ручьи, что проносились через скулы и стекали на ботинки. Я не знал, как поступить, куда бежать. И можно ли вообще сбежать, показав свою трусость?

Это была игра на выдержку, и я ее проиграл, выхватив пистолет. Не целясь, пальцы задержали спусковой крючок и выпустили пару пуль во врага. Они бы опустошили магазин, но волк моментально среагировал, сбив меня с ног изящным прыжком. Лязг когтей о металл охватил округу: псина вцепилась в броню, но не смогла пробить — а я резво покатился с обрыва. В обнимку с этой тварью, которая позже вырвалась и протащила дальше по склону.

Оставив все мысли и поднявшись на ноги, я побежал что есть мочи в сторону. Волчара не сразу пришел в себя, видно, удачно вписался мохнатым брюхом в землю. Этого времени хватило, чтобы скрыться за ближайшим камнем. Я достал револьвер и откинул барабан. Патроны на месте, а значит волк не останется без подарка.

Если я выживу, на что появились надежды, то следует покинуть эту пещеру. На звуки выстрелов могут сбежаться люди. Ладно еще караваны, чтобы обезопасить себя от посторонних, но вот головорезы — встречи с ними мне точно не хотелось. Обойду гору с восточной стороны, а там до ручья рукой подать. Осталось только разобраться со свирепым хищником...

Солнце никак не опускалось, изрядно беспокоя неприспособленных к нему существ. Моя усталость и неуверенность множились с каждой минутой пребывания под ним. Еще этот камень, огретый лучами, отдавал свое тепло и заставлял потеть все больше. До броника уже не дотронешься — рискуешь обжечься. Почему я его до сих пор не снял? Не знаю. Он замедлял движение, блестел на солнце — одни проблемы. Смог спасти от прыжка полуволок, но не от зноя. Один револьвер оставался невозмутимо холодным и с виду надежным. Надо бы не про-

махнуться, а то в магазине осталось всего пять патронов. Пять выстрелов и нож. Что может быть лучше?

Я решил выглянуть из-за камня, чтобы оценить обстановку. Правой рукой уперся в песок, а левой держал оружие. Голова стала поворачиваться вправо, но ей помешала капля воды, упавшая на плечо. Неужели дождь, и проблемы с водой решены? Но больше ни одной не упало. Я вздохнул и посмотрел вверх. Громадная морда лила свои слюни прямо мне на лицо, ее глаза горели от злости. Полосатый окрас продолжал внушать страх. Виднелись и раны, из которых сочилась кровь — в тот раз пистолет сделал свое дело.

Рука сама замахнулась для выстрела и нажала на крючок. Пуля вылетела почти бесшумно, хотя была немалого калибра. Псина завизжала и вгрызлась в мое правое плечо. Охваченный яростью, я сделал еще пару выстрелов, пока волк не свалился на меня сверху, придавив своей волосатой тушкой. Казалось, от такого удара, который приняло мое бедро, прогнулась и земля. Из-за него же из моих рук вылетел револьвер, блеснув вдалеке. Кулаки беспорядочно и бесполезно молотили волка, а я полностью потерял самообладание.

Тварь все еще держалась и также лихорадочно царапала мою броню и плоть. Через секунд пятнадцать хаотичного кувыркания она отпрыгнула, дав мне шанс поднять оружие и завершить схватку. Но также быстро зашла на второй круг, вцепившись в ноги. Я закричал от боли; острые зубы, словно копье, прошили камуфлированные штаны и явно глубоко впились дальше. В порыве гнева я вынул ножик и стал размахивать, нанося порезы полуволку, отчего он снова отбежал на пару метров.

Теперь мы стоим, залитые кровью, и кровь капает с нас. Встречаясь глазами и отводя их вниз. Тяжело вздыхая от нанесенных друг другу ран, сожалея, что вообще начали. Изнуренные жаждой, жарой и невыносимой болью, как на органе играющей по нашему телу — везде и сразу. Мы не понимали следующий шаг. Не хотели понимать, что делать. Отдаться врагу? Ничья? Или прибегнуть к Смирению? Только стремление жить дальше, выживать в этой забытой пустыне, иметь возможность увидеть больше, чем за свои двадцать шесть лет, воздать по заслугам грешникам, отомстить — только это останавливало меня от того, чтобы поднять револьвер и попытаться закончить. Единственный раз, не подумав, я смело рискнул и поплатился. Потерял свою Семью, и Семья меня. Брата и свой дом.

Я уверен, искушение живой плотью, желание насытиться ей еще хоть один раз останавливали соперника от того, чтобы сделать то же самое: выиграть бой, который заведомо проигран нами обоими. Моя неправда в том, что я вступил на его территорию. Его — что атаковал. Унесенный потоком мыслей, я продолжал сверлить взглядом полуволка.

Мы стояли, ожидая развязки затянутой истории, конца — и он пришел.

Пуля триста восьмого калибра стала для нас исповедью. Завезенная издалека, она разбила голову волка вдребезги, покрывая песок кровью и ошметками, как перед сводом пещеры. От неожиданности я ударился головой о камень и не сразу сообразил, что стоит ждать следующего выстрела. В принципе, мне было все равно: ненависть от такого прощания вытеснила все остальные эмоции, не оставляя места для мыслей и тем более реакции. Постепенно чувства сменились виной за содеянное, ведь только из-за меня на земле лежало бездушное тело волка. Может, эта земля подарит и мне вечный покой. Затворная рама обнажила гильзу, и стрелок пустил еще одну пулю.

В Пустоши свалилась очередная тушка...

Глава 3. Борись за жизнь, кому еще?

Корявые веточки размашистого кустарника играли на ветру. Сухие и застывшие, они, словно антиквариат, хранились в пустыне веками. Никто их не жевал, не облизывал. Вокруг них не бегали скорпионы, внутри не прятались жуки. Кустарники отдали свою жизнь давным-давно, когда солнце испепелило планету, обратило миллионные города в могильники, леса и поля — в Пустоши. По миру шастали пожары и землетрясения. Годами продолжались цунами, которые вымывали остатки цивилизации, завершали новый облик Земли. Гибли культуры, как человеческие, так и дающие хлеб насущный.

После такого немногим удалось выжить, еще меньшим — приспособиться к безнадежной жизни. Только те, кому посчастливилось оказаться на севере, смогли вкусить настоящие мучения — с остальными судьба распрощалась и продолжает делать это каждый божий день. Замершие в песках кустики росли как раз в напоминание тому, что случилось сто пятьдесят лет тому назад. Всякий заблудший мог невольно кинуть взгляд на эти колючки. Поразмыслить, как они выглядели раньше, задуматься о тщетности своих стараний и попытках заработать на пропитание и одежду. А впоследствии отдаться пустыне, потому что слишком много думал и надеялся.

Только единицы подкрепляли мысль, что если мертвый куст сохранился за полтора века невыносимых условий, то человек тоже выживет. Требовалось лишь забыть о надежде и помощи. Идти своей дорогой, не обращая внимания на невзгоды и других людей.

Рядом с кустом на солнце нежились следы от сапог. Широкие, рельефные углубления, оставленные твердой подошвой с зубчатыми набойками. Ямки чуть поменьше, покинутые обувью с каблуком. Неподалеку стягивались отверстия от сошки снайперской винтовки и ложбинка, которую занял стрелок. На земле валялись стреляные гильзы, дрыгались красные букашки, перебирали ножками туда-сюда. Неожиданно их приключение закончила походная сумка, которую скинули с плеч.

— Дотуда километр, — бросил высокий мужичок, копошась в сумке. — Мне что, идти целый километр, рискуя собственной шкурой ради какого-то дохляка?

— На кой черт нам разведчики тогда? — сплюнул снайпер, перебирая меж зубов очередную соломинку.

— Мы идем в другую сторону, Дэн, — проворчал разведчик. — Два дня осталось до города, всего лишь два денька до барной стоечки, мягкой кровати и красивых официанток.

— Да не кипиши ты так, спину я прикрою. Тем более с тобой Малыш, — Дэн подмигнул и добавил: — А теперь, черт его, за дело!

Разведчик выругался еще раз, буркнул что-то неладное и нехотя зашагал к ближайшей горе. Слева в ногу шел не такой взрослый человек. Низковатый и отнюдь не стройный. Вразвалочку, засматриваясь скорее на свои ботинки, чем на местность вокруг. Вместе они не проронили ни слова, пока не встретили перед собой неприятную картину, оставленную снайпером.

— Нельзя было поаккуратнее стрелять-то, чтобы мозги... — разведчик сморщился и прикрыл нос от расколотой головы. — А воняет, а-аа. Ну вот что за день такой сегодня?

— Ты же разведчик, чего ноешь. Не первый день видишь подобное, — низкорослый пнул ногой тушку полуволок и хмыкнул.

— Надоело потому что. Бегаешь, за триста монет слоняешься между таких тварей. И хорошо, если они мертвые. А если сожрут? Думаешь, Риночка выплатит кому-нибудь компенсацию?

— Бухтишь через слово, ей-богу, всю дорогу без передышек. И так без денег возвращаемся, а еще ты встречаешь. Замолчи и давай делом займемся.

— Вот скажи, тебе не достало ходить грязным, есть вяленое мясо и оглядываться назад, чтобы не схлопотать пулю в затылок?

— Я привык и к тому, что меня все Малышом называют. Так что в большей степени все равно.

— Ах, тут ты прав, Малыш, — усмехнулся разведчик и наконец-то принялся осматриваться в оба глаза.

До тошноты неприятные тела сохли под знойными лучами. Кровь давно запеклась, но запах еще разносился порывами ветра, привлекая пока только мошек. Одно тело, покрупнее и не целее, лежало прямо у ног караванщиков. Его окутали грубые раны и порезы, повсюду виднелись отверстия от пуль добротного калибра, оголяющие внутренности животного. Редкий мех на спине выкрасился бордовым и запачкался грязью. Второе тело гордо возвышалось на камне. Значительно меньше, но и сохранней. Легкие волоски сменились густой шерстью, которая на свету переливалась голубым. Ряды шипов, продолжавшие позвоночник, чуть завивались в стороны.

— Тут значит самка, а под ногами у нас вудог, который ее защищал, — заметил ворчащий разведчик.

— Ну а это, видимо, второй претендент на эту самочку, — добавил Малыш, указывая на изувеченного человека возле камня.

— Нам обязательно его тащить-то? Он же скукожился давно...

— А как ты думаешь? Тебя сюда не собачек потрошить послали, — отрезал мелкий.

— Та не-е, этот кабан весит килограмм восемьдесят — больше, чем ты, Малыш. Мне не платят столько, чтобы свою спину-то ломать. Вот ты, как думаешь, что с ней в старости...

— Ладно-ладно, помолчи, — не выдержал Малыш и махнул рукой. — Иди проверь его. Если дышит, то потянем, и мне срать, сколько тебе там платят и что будет с твоей спиной.

Высокий выругался, цыкнул и затопал башмаками по земле. Через некоторое время послышалась тихая ругань, и еще живое тело взвалилось на плечи двум разведчикам. У них не было возможности оглядываться назад: не позволяла ноша. Но они знали, что идут под прикрытием снайпера. Поэтому тянулись долго, иногда позволяя отборную брань в сторону очердного мертвецкого кустика.

На гору лениво подтягивался караван, все на одно лицо и в масках. Из-за коряги показались два мужичка одинакового роста и внешности, статный погонщик, а за ним и вьючные животные, таскающие непосильную ношу. Вялым взглядом они провожали разведчиков и готовились к следующей трапезе, откапывая из рюкзаков последнюю на сегодня порцию вяленого мяса. Надеялись на маленький презент за спасение человека от диких зверей, надеялись, что он жив. Может, кто и задавался вопросом, зачем тратить столько времени, однако держали это при себе. Весь караван совершил немалый переход от Столицы до этих гор, и людям хотелось побыстрее завалиться спать.

Когда разведчикам оставались последние метры, все выдохнули и одобрительно начали собираться в путь.

— Наконец-то вы дотопали, черт, за ваше здоровье и закурить не грех! — обратился к ним снайпер и зашуршал в поисках трубки. Отыскав ее, он набил чашу пахучими листьями, которые вмиг заполонили округу дурманящим ароматом. Нежно придавил кучку и поднес гравированную зажигалку, потягивая первые клубы дыма для раскурки.

— Раньше че не закурил? Ждал, пока подарочек принесем? — заворчал ворчун, уложив с Малышом тело незнакомца.

— С дымом в прицеле вам спину не прикроешь, а сейчас самое время. И что за зверя вы нам притащили? Вместо соленой вырезки и грибов? — поинтересовался снайпер, попыхивая своей игрушкой.

— Да, кстати, зачем мы его тащили, а, Джо? — вопрос улетел к подходящему человеку в рваной коричневой шляпе, через которую проступали седые волосы.

— Вы, — человек уставился на разведчиков, — получите тридцать монет свыше контракта. Из моего кармана, конечно же: компания, дай боже, только квоту выплатит. Я думаю, вы прекрасно понимаете, что на большее рассчитывать не надо. А что касается этого юноши, — Джошуа мотнул головой в сторону лежащего, — его мы возьмем с собой. Оставить посреди Пустоши на волю судьбе — вы знаете, это граничит с моими принципами.

Наступила тишина, и все ждали, когда самый болтливый и недовольный всем происходящим вставит слово. Но тридцать звенящих в кармане монет — не пять копеек, так что в разговор вмешались другие:

— И кто понесет эту тушку? За тридцать монет я готов хоть до Щели таскаться, — показался светловолосый парень.

— Да ты километра с ним не пройдешь, а по дороге свою пукалку посеешь, — вставил другой, точь-в-точь похожий внешностью и голосом.

Караванчики заулыбались, еле сдерживая смех. А кто-то и вовсе не смутился, одаривая собратьев громким хохотом. Дэн, причмокивая трубкой, откашлялся.

— Спокойней парни, — сказал погонщик. — Любые братские недомолвки оставьте на потом, Йен и Ян. И нет, я не собираюсь еще кому-то доплачивать: юношу повезет муфтон.

Братья хмыкнули и слегка посверлили друг друга глазами.

— Я знаю, что все устали, — продолжил Джошуа, осматривая незнакомца. — Я тоже хочу напиться в Шалой забегаловке, раскинуть старые кости на кровати, а затем проиграть все деньги в холдем. Но до этого еще день пути. Животные не пили с утра, поэтому до вечера мы отправимся за водой, а дальше найдем местечко для сна.

После наставлений погонщик вытащил шприц с целительным отваром и вколол в ногу юноши. Он моргнул светловолосому парню, и они вдвоем затащили тело на животное, положив его рядом с товарами. Караван дружно принялся собираться в дорогу, заталкивая свои сумки разложенными вещами. Стрелок продолжал наполнять воздух запахами, казалось, чем-то средним между чабрецом и смолистым розмарином. Слегка бальзамические нотки сглаживали вонь от животных и затуманивали рассудок. Впрочем, никто не был против, особенно сам Дэн, укладывающий снайперскую винтовку.

Братья продолжали тихо-мирно спорить, разведчики отправились по обе стороны от пункта назначения, а погонщик потуже затягивал ремни на муфтонах, чтобы не потерять перевозимый багаж. Как только Джошуа скомандовал, вереница вьючных животных затоптала на юго-восток, к рекам.

Вечерело. Тень от сухих колючек увеличивалась с каждой затяжкой снайпера. С одной стороны, садилось солнце, с другой — отряд стремительно приближался к воде, отчего кусты здесь разрослись быстрее собратьев. Букашки и ящерки попрятались по корягам, издали слышался вой просыпающихся хищников. Каждую ночь Пустошь словно оживала: температура падала на градусов двадцать, позволяя зверям покинуть свои жилища и поохотиться. Поэтому до захода солнца все, кто забрел в пустыню, судорожно искали убежище — и хорошо, если оно не занято.

Впереди каравана лежала та самая долина, ровная и покладистая. Из каждой ее точки открывался вид на два селения и застывшую в воздухе трассу. Река же проходила между городами, разделяясь на множество ручьев. Самый протяженный и извилистый выходил за границу долины, правда, год за годом сдавал территории пустыне.

Спустя полчаса отряд преодолел половину расстояния. Из-за холма ожидаемо появился разведчик, подав опознавательный знак: у каравана Джошуа это был кулак-ладонь в сторону-кулак, поднятые как можно выше.

— У ручья спокойно, — выдавил Малыш, пытаясь восстановить дыхание. — Город никто не покидал... Трасса вроде как без гостей...

— Ворчун остался? — спросил Джо.

— Побежал на ферму, — тяжело вздохнул он и завалился на землю, — но нам бы поторопиться... Фух, можем не успеть до ночи.

— Ускорим шаг, господа, — ответил погонщик. — Йен, Ян, подгоняйте муфтонов, если будут медлить. — Джошуа похлопал по плечу Малыша, помог ему встать и зашагал быстрее обычного, а вслед потянулись остальные.

Полуденная жара сменилась легкой духотой. По мере приближения к водным просторам воздух значительно менялся: от сухого с першением в горле, до мягкого, свежего, раскрывающего легкие. Необходимость носить повязку или платок, закрывающие обширную часть лица, отпадала. Ведь песчаные бури сюда не доходили, но начинались другие проблемы: кровососы. Гадкие твари плодились именно у таких водоемов, ожидая своих жертв. Открытые участки кожи так и манили комаров и мошек. Излюбленной целью были раны — точно откупоренная бутылка красной советской у подзаборных алкашей. Но больше всего доставалось животным, у которых болтался только короткий хвостик для защиты. Приходилось шлепать их по разным местам, сбивая налетчиков. И дело хорошее сделаешь, и животное ускорится.

— Че, сильнее не можешь? — процедил один из братьев и показательно огрел скотину.

— Сильнее только твою подругу могу, — сладко ухмыльнулся второй.

— Вот опять ты за свое. Своей и в помине не было, как и нормальной винтовки, чтобы работала, а не пердела на два патрона.

— Мой обрез, — тыкал им Йен в брата, — понадежней будет твоей подделки западной, которую клинит через раз. Вот он, настоящий ствол, прямо как калашников. А у тебя че?!

— Мою хотя бы не надо перезаряжать после каждого выстрела, а-аа, — ощерился Ян и, усмехнувшись, указал рукой на двустволку, — точняк, я забыл, он же вообще НЕ СТРЕЛЯЕТ, — после чего залился смехом, хватаясь за живот.

— Ах ты! — сорвался первый и пошел, точно ребенок, пихать второго.

— Идите вон окупитесь. Ей-богу, достали жужжать над ухом, мало комаров? — упрекнули спереди, после чего двойня разошлась и оглянулась.

И действительно: глаза братьев загорелись от холодной и одновременно такой нежной поверхности ручья. Словно одеяло, его синева укрывала пески, а вокруг ковром стелились травы и невысокие кустарники. Из общей массы вытягивались кроны сухих деревьев, чуть пониже — новые виды, полные жизни, уходящие корнями на десятки метров вниз. Самыми недорослями были цветы, утратившие яркость, поблекшие на века. Только чахлый бежевый, зеленый и их разновидности встречались на земле. Единственная трава, не изменившая облика, была злосчастливым сорняком. Багульник болотный здравствовал и по сей день, радуя каждого, кто решил втянуть его благовония. Минуты нахождения рядом с ним вызывали головокружение, пьянили разум. Могли довести и до смерти, если неподалеку окажутся дикие звери. Запаха цветков багульника сторонились даже мошки, но, к сожалению, тут не было ни куста, и поэтому насекомые атаковали всех и сразу.

Вьючное стадо более не нуждалось в подгонке: муфтоны сами устремились на речку, жадно глотая воду и скашивая остатки лекарственных и не очень растений. Каравану оставалось следить за тем, чтобы груз не отцепился от живности и не промок. Никто не хотел, чтобы на стол компании попали сразу два известия: что товар не распродан, а часть и вовсе утеряна.

Погонщик обозначил время на привал и уселся набирать воду в меха и емкости. Несмотря на все еще тотальный контроль солнца на небе, пальцы в реке озябли. Она приятно леденила кожу, по-особенному выравнивала температуру тела, освежала сознание. Причиной были горы, откуда во все стороны уходили берега и поймы. Последние отступали от привычного круговорота воды — ливней и паводков — но остались о них напоминанием.

Через какое-то время, незадолго до окончания трапезы и перерыва на отдых, вернулся второй разведчик. Он кашлял меньше прежнего и, глубоко вздохнув, заворчал:

— Меня не подождали-то от слова совсем, да, парни? Расселись тут, кушаете... — выбрав местечко возле берега, ворчун уселся и хмыкнул в сторону речки.

— На, вот, попей, — к нему подошел снайпер и протянул кожаную сумку, а когда парень прижался губами к горлышку, хлопнул его по спине. — Ну давай, рассказывай, черт тебя дерит, как старушка-ферма поживает.

Ворчун закашлялся и нервно брызнул в обидчика водой и нецензурными словами. После выдержанной паузы и смеха приятелей отряхнулся, вздрогнул от холода внутри и очередной раз ругнулся, сплюнув на землю.

— Тьфу на вас, парни.

— Говори уже, че там с ночлегом, — продолжали хохотать в стороне.

— Ночлег-то будет... скорее всего. Но странно там что-то вырисовывается: людей не замечено, но-о... — протянул ворчун и устался на пол.

— Но... что?

— ...я заметил следы возле фермы. Недавно там побывали человек пять или около того. Примерно трое ушли на восток, двое — обогнули гору и подались южнее, к истокам.

— То есть они разделились? — спросил погонщик и после ответного кивка процедил: — Да, и вправду странно. Те трое могли выйти на тропы и забежать в Блюдок — бог с ними. Но двое — им дорога только в гору, откуда возвращаться надо тем же путем. Ты точно не видел других следов?

— Не-а.

— Я вот думаю, — вставил Йен, — что это караван Айка, подлизы Риночки нашей. Помните, как этот говнюк нас обманул прошлым летом...

— А ты меньше думай, — нервно перебил Ян, — иногда нечем. А Аик, конечно, тот еще мудень, но что он, специально вытапывал следы ботинками и после забрался на Строму нас ждать? Зачем?

— Исключено, — Джошуа покачал головой и оперся на муфтона. — Его караван сейчас должен стоять возле Столицы, и я надеюсь, что их пропустили. Иначе в компании начнется суета и сокращения из-за убытков. У Рины забегают глазки по списку бездельников, а там мы занимаем первую строчку.

В отдалении слышались недовольные возгласы, всевозможные проклинания владелицы караванной компании. Погонщик выдерживал паузу, с тоской осматривая нераспроданные товары на муфтоне. Серые ящики и бочки, сцепленные прочной веревкой, до отказа набивались шкурами, зерном маиса и клубнями бротошки. В зависимости от сезона, конечно. Сейчас на складах остались лишь коричневые плоды и шкуры забитых зверей — то и везли по привычным маршрутам.

— Что касается тех двоих, что ушли на сопку Стромы — а это не один день пути, — задумчиво продолжил Джо, дергая за крепления, — мне кажется, что их цели наверняка научные. Никто в здравом уме не полезет туда без необходимой защиты. А те, что ушли в город — вторая часть экспедиции из Блюдок или Паддока.

— Ты хочешь сказать, что пока мы шлялись в Пустоши, эти недоумки совсем свихнулись и отослали еще больших недоумков на чертову гору, чтобы что-то там поисследовать? — без всякого понимания происходящего спросил снайпер.

— Именно так, Дэн. Других объяснений я не вижу — опять же, никто не двинет в такой холод просто потому, что ему захотелось. Так что нет абсолютно никакой причины беспокоиться — лучше посмотрим вживую, как обстоят дела.

Погонщик снова проверил надежность ремней у ближайшего животного и устало подал знак, что пора сворачиваться. Его спутники закричали, зашагали мимо речки, упаковывая свои недоеденные запасы, и сморщились, закутывая лицо мокрой повязкой.

Поверхность речки, обеспокоенная редкими порывами ветра, еще поблескивала, искрилась пузырьками. Крохотные мошки вертелись вокруг отраженного диска на воде, другие насекомые, неспособные подняться в воздух, грелись на деревьях и цветах.

Караван едва тронулся с места.

— Подождите, парни! А с этим-то че делать? — ворчун указал на совсем безжизненное тело, еле державшееся на скотине. — Я че, зря носил что ли?

— Черт его дери, забыли о человеке!

— Может мы еще раз о нем забудем? Только в реке...

— Нет, — вздрогнул погонщик, — вы что, мы же его спасли! Давайте спустим его к воде. Нужно срочно промыть раны и наложить бинты. У нас есть лекаткань?

— Да, — ответил Малыш и принялся рыться в сумках.

— Ну почему... — подавленно всхлипнули в стороне.

Двое крепких парней опустили тело поближе к реке, на каменистый грунт. Погонщику подали стопку серых шершавых тряпок, сложенных пополам, и он окинул взглядом несчастного человека. Пропитанный кровью, широкими царапинами и грязью металл плотно облегал его грудь. Некоторые порезы в броне доходили до ткани и плоти, открывая неглубокие раны, засохшие, вперемешку с обрывками материи и песком. Они воспалились, отливали синяками бессонных ночей. Но самый удручающий вид приняла нога. Разодранные в клочья камуфлированные штаны сопровождались синюшными бугорками, которые вздымались над кожей, мелкими ссадинами и множественными мозолями. Видимо, последние появились от перевозки на рельефной спине муфтона.

Джо прощупал пульс и с облегчением кивнул, а в душе поблагодарил небеса. При таких ранениях, при таком промежутке времени перед ним вполне мог оказаться труп, но человек дышал. Не подавая иных признаков жизни, вдыхал воздух. Погонщик уселся перед ним, отложил пару медицинских тряпок рядом, оставшимися стал протирать все порезы, какие только попадались на глаза. Джошуа смачивал тряпки, мысленно понимая, что лучше эту воду прокипятить. Но времени, возможно, нет. Скорее всего инфекция уже распространяется по организму, отчего помогут только шприцы и таблетки.

— Как он там? — поинтересовался Малыш, присев рядом с погонщиком.

— Глубокая рана на ноге воспалилась. Тут порезы, — Джо показывал на дырявый брошежилет, — здесь ушибы, там — даже смотреть не хочется.

— Твой диагноз?..

— Еще немного и копать могилу.

Глубокое молчание прервало диалог, дав время подытожить сказанное, переварить все мысли в голове и прийти к единственному верному решению.

— Малыш...

— Да?

— Неси стимпак! — скомандовал погонщик, и разведчик тотчас бросился к сумкам. Остальные караванчики с интересом наблюдали в стороне, не принимая участия в спасении. Братья кинули сочувственный взгляд, более не спорили. Снайпер занял ближайший пригорок и все равно не скупился одним глазком посмотреть на акт помощи. Другие, включая ворчуна, цыкали и вздыхали: плевали они на самочувствие человека и хотели поскорее поспать. Животные, обеспокоенные кровососами и солнцем, устало жевали траву и мычали вдогонку.

В руках у погонщика оказался металлический шприц, потертый и с насечками — явно использованный раз десять. Через мутное стеклянное окошко прослеживалась желтоватая,

густая, как смола, жидкость. Сверху шприц оканчивался маленьким отверстием, содержащим такую же маленькую иглолку.

Джо приставил шприц к самому воспаленному месту, взялся за шток и нажал до упора. Конструкция позволяла автоматически прокалывать место и медленно вводить нужную дозу. А после еще и разобрать стимпак для многократного использования, за что их полюбили наркоторговцы.

Как только последние капли ушли через отверстие, на речке раздался недолгий визг.

Что-то стрельнуло в моем теле так, что органы пошатнулись и отдали колотой болью во все стороны. Я почувствовал заряд. Энергии, импульса, заставившие легкие расшириться и вдохнуть кислород. Из темноты я наблюдал вспышки. Они отпечатывались в сознании, расширялись и переливались цветами радуги. Играли с моим нервным окончанием, как неумелый пляшет на скрипке. Тревожно. Убийственно.

Глаза дернулись, сморщились, сквозь веки беспокойно проступал свет. Постепенно оголяя радужку, я уставился на источник яркого свечения. Сначала мне показалось, что это само солнце, но нет. Солнце отражалось в металлическом предмете. Я напряг глаза и увидел очертания прямоугольной пластины, гравированной, по виду достаточно тяжелой для медальона. Она спускалась по цепочке, которая вела в темноту. Обгоревшие реснички поднялись, глаза распахнулись, и мне удалось рассмотреть то, что закрывало мне небо.

Смуглое лицо, укрытое коричневой шляпой и перевязанное песочным тряпьем, через которое проступала седая борода. Оно смотрело на меня сквозь спущенную металлическую бляшку. Широкими, небесно-голубыми глазами — прямо в мои.

Я попробовал поднять голову, но шея издала неприятный щелчок и заломила.

— Тише, тише, тебе пришлось полдня пролежать без сознания, — громкий звук облетел мои уши, пулеметом стреляя внутри. Я зажмурился.

— Да ладно. Этот жмурик ожил... — послышался сзади стук ботинок.

— Где, кто?

— Вон, гляди. И чем черт не шутит...

— И правду, дрожит че-то — значит живой... Это что же получается-то, вода в этой речке и правда целебная?

— Его стимпаком вернули, дурень.

— Так, спокойно, — голова передо мной продолжила издавать звуки, махая руками. — Выходите на разведку, а мы через минут пять тоже выдвигаемся. Скоро начнет темнеть, поэтому не будем терять времени.

В стороне послышалось длительное ворчание, а человек спереди поднялся, открыв моему взору небеса. Глаза опять заслезились, и я попытался протереть их рукой, но вялые конечности не позволили это сделать. Их ломило и покалывало.

— Положите его обратно на ровную поверхность. Только аккуратно!

Через минуту меня подняли непонятные люди в похожей одежде, но уже без блестящих аксессуаров. Они развернули мою тушу и отнесли на нечто живое и мягкое, поначалу сопротивляющееся. Дрыгающее коротким хвостиком туда-сюда. Я тоже задрыгал ногами, только от боли.

Теперь я видел каждого из них, но понять, спасают ли меня или похищают, не мог. Для рабства я вполне сгодился бы, может, везут на публичную казнь в родную Грешницу. Везут, очевидно, с другими товарами, мелкими ящиками и бочками. Значит держат путь в большой город, чтобы сбыть товар. А значит — караванщики.

Позади меня двигался мой спаситель или похититель, тот, что с металлическим жетоном. Статный мужчина преклонных годов — тут его выдавала седина — шел ровно, старался осматриваться, часто следил за мной. Возможно, самый опытный: погонщик.

За ним двойня, похожая как две капли воды. Я сначала подумал, что у меня двоится в глазах. Один с обрезом, другой с автоматом, но такого я никогда не видел. Они топали и почему-то шлепали животных, иногда фыркая друг на друга.

Замыкающий был человеком рослым, вместо тряпок носил кожаную бронекуртку на коричневых заклепках. За спиной красовалась длинная винтовка, а в руках он держал простое ружье для отстрела на ближней дистанции. Снайпер-охранник, очевидно.

Между ними, постоянно мыча и недовольствуя, вереницей тянулись вьючные животные. Здоровые, волосатые морды с выпученными глазами косо поглядывали на своих собратьев. Мохнатая спина использовалась для перевозки грузов — и меня в том числе — а маленькие ножки с копытцами вразвалочку ступали по песку. «Странные люди сопровождают еще более необычных животных, что может быть лучше? — подумал я и потянулся».

— Тебе нужен отдых после таких травм. Отлежись как можно дольше, пока есть такая возможность, — начал ближайший караванщик.

— Куда вы меня... везете? — еле выдавил я.

— Солнце заходит, так что нашему каравану тоже нужно отдохнуть в безопасном месте. А тебе тем более после той встречи с вудогом. Надо же было напороться на него...

— Вудог?..

— Те собаки с шерстью, помнишь? Мы нашли тебя полумертвым возле камня, и хорошо, что Дэн успел разложить свою винтовку. Тебе повезло...

— Повезло... — поспешно перехватил я, но не закончил.

— Как ты там оказался, можешь рассказать? Не часто встретишь в пустыне одиночек, которые сражаются с вудогом, — мужчина легонько потянул уголки рта — совсем не характерно для него.

— Куда вы отправитесь с утра?

— Мы караванщики, как ты уже понял. Я Джошуа, погонщик. Это, — человек обернулся назад, — мои люди. Через день мы собираемся зайти в Паддок и отдохнуть с неделю. Далее по распоряжению компании.

— А со мной что будет? В компанию продадите?

— Нет-нет, ты что, — смутился мужчина, а сзади усмехнулись его товарищи. — Хочешь, останься в Паддоке, хочешь — иди домой. Мы оставим тебя в городе и подскажем, где можно найти работу на случай чего. Кстати говоря, хм, у тебя есть жилище, дом?

— Его сожгли. Вчера... позавчера? — подавленно объяснил я, сжимая пальцы в кулак. Караванщики, включая погонщика, засопели и замолчали. Сочувствие на их лицах можно было уловить через одного.

— Одна мадам уничтожила всю мою родню, ферму, брата... — угрюмо продолжил я, вспоминая все подробности былых дней. Слова вылетали очередью, однако давались сложно, после каждого по голове будто били лопатой. — Я сбежал через затопленные тоннели под нашим домом. Только лишь потому, что быстро ковылял ногами — я так думаю.

— Ну какая же она мадам тогда? Даже не леди, черт ее побрал бы, — кинул снайпер, обильно сплюнув на землю. — Ты, сынок, молодец. Не сдался ни перед этой чертовой дамочкой, ни перед этими чертовыми псынами. Да, видел я в прицел твою тянущуюся к револьверу ручку. Ты бы еще завалил ту псину — это да... Кстати, игрушку мы твою забыли, но это не ко мне. Это к нашим разведчикам.

— Переживу...

— Верю, сынок.

— Это было в Грешнице? Твой рассказ, тоннели, ферма? — спросил погонщик.

— Да, а что? — привычка задавать встречные вопросы взяла верх.

— В Столице только об этом и гуляют слухи. Пожары на весь город, взрывы, ночные перестрелки. Говорят, что Республика не хочет вводить войска, а другие люди клянутся, что армия уже пошла в наступление. В общем, ничего конкретного, за исключением полного эмбарго на товары с юга и карантина там же, — Джо крепко ухватился за винтовку. — Все подходы перекрыты напрочь, на постах дежурят солдаты...

— Сволочи они, — перебил толстячок с обрезом, из-за них мы с пустыми руками возвращаемся.

— Столица перекрыта? Как?! — нервно поднялся я, пораженный новостью, но после пришлось немедленно остынуть: прихватило спину, по голове опять проехали лопатой.

— Спокойней, спокойней, — вторил погонщик. — К Столице не пройдешь со стороны западной трассы. Никак, к сожалению. Ты туда собирался пойти?

— Тогда он не туда свернул, хах, — рассмеялся второй толстяк с автоматом.

— Собирался... — проронил я и более ничего не сказал.

Караванчики еще немного обменялись мыслями, но не стали меня трогать. Уж слишком мрачным собеседником я являлся. Дорога на какую-то старую ферму оказалась вполне сносной. Я не понимал, в какую сторону мы движемся и почему я должен держаться за веревки, чтобы не скатиться вниз. Узенькая тропинка, по которой ступал караван, точно змеей извивалась среди холмов. Огибала занесенные песком кострища и следы бывших стоянок. Заваливаясь на песчаные и известняковые перевалы, она поднималась все выше и выше. Из-за этого мохнатая и дурно пахнущая скотина всегда норовила сбросить меня со спины. При любом изгибе рельефа она, как своенравная лошадка, подскакивала на задних копытцах. Надеюсь, что оставит нежелательный груз позади и облегчит свою ношу. Конечно, ей за такого кабанчика не доплачивали: травы и доставучих мошек раз в сутки было маловато.

На вид я не жаловался, как на боль в спине. По правую руку покорно тянулся ручей, вырезая в местной породе уютное русло. Обрамленные камнями и лохматыми колючками берега вполне сгодились бы за живописную картину. Но не такую, какая пестрит цветами, а однотонную, выдержанную, как популярный ранее бурбон. На все про все понадобилось бы несколько баночек золотой и каштановой краски. Для изображения воды — пары мазков серо-голубого.

Пройдя очередной перевал, ручей скрылся, а караван взял еще правее. Пространство передо мной сменилось скучным склоном одной из гор, образующих долину.

— Разведчики задерживаются, вам не кажется? — спросил Джо, прищуриваясь к вершинам. Наверное, там они и должны были показаться.

— Пф, залежались в обнимку на ферме, ворчун точно не против, — загоготал один из братьев.

— Ах, тьфу, — от смеха закашлялся второй — шутка все же была удачной. — Да и Малыш, наверное, тоже.

Братья остановились и похватили животы, пытаясь откашляться, пока сзади не подошел снайпер и сильно похлопал по спине. Они наклонились еще больше и чуть не упали. Выгнувшись, два брата выругались в адрес обидчика, засверлив глазами.

— Черт, я думал, что вы подавились. Хотел помочь, да. Помочь и только, — оправдывался Дэн, сохраняя серьезный и деловитый вид.

— Что за Малыш? Это... ребенок в караване? — растерянно и нерешительно спросил я.

— Это наш разведчик, похожий на тебя, кстати говоря, — на фоне ухмылок остальных ответил погонщик. — Такой же комплекции, невысокого роста — вот и Малыш, хотя я брезгую называть его такой обидной кличкой. Его настоящее имя — Романас. Или просто Ром.

— Малыш, короче. Голубоглазый Малыш и ничего более, — отрезал брат с автоматом, смахивая свободной рукой в сторону.

Ян подошел ближе к муфтону, на котором я неудобно располагался, и зачесал повязку.

— Меня Ян, эт мой не сильно сообразительный брат, Йен, — продолжил он, тыкая стволом в брата. Тот нервно пнул его ногой. — Ау! Ну оно и видно. А тебя как звать?

— Китан.

— Хм, ну и имя тебе дали вялое, — сморщился и хмыкнул Ян, — прямо как... я даже не знаю, как описать. Прямо как свалка возле Столицы, куда заходишь с утра, а там падальщики ходят или эти, которых трампами еще кличут. Вот для нее название ничего.

— Назвали как назвали. Имена не выбирают. Вон у этой реки, что скрылась за холмами, — Джошуа подал голову налево, — и то название не лучше. Многие его коверкают, жуют и сплевывают. Некоторые припеваючи проходят мимо, не кинув и взгляда. И никто, никто не знает истории, как и почему оно появилось. Главное, что оно у тебя есть, носи его с гордостью.

— Как называют ту речку? — без эмоций спросил я.

— Блюдок.

— А город рядом в разговоре кличут Ублюдок. Типа понял, да? У реки, у Блюд... — вставил Ян, но не успел закончить.

— Черт, да мы поняли, что у реки Блюдок. А еще, что ты, Ян, заткнуться не можешь на ровном месте, дай свои копейки вставить, — процедил Дэн и выскочил вперед каравана, чтобы только его уши не слышали надоедливой, словно жужжание мух, пустой болтовни.

— Тьфу на вас, парни, как говорит ворчун, — с досадой окончил Ян.

Я поджал губы и следил за продолжением трепа двух братьев, заходящим вдалеке солнцем. Мы миновали холм, поросший кустами и камнями, низенький пригорок и пару колючек. Обошли гору, которая напрочь скрыла горизонт, а заодно и нас в своей тени. Теперь караван заходил в ущелье, встречавшее гулким эхом и мелкими гротами. Некоторые из них заканчивались трещинкой и не открывали нам свои тайны. Другие вдавались в скальную породу с такой силой, что отпечатывались на всей стенке, узко тянулись дальше и, казалось, могли вывести на другую сторону горы. Но одно мы знали наверняка: в гротах обосновались если не люди, то недоброжелательные звери или мутанты. Мы не хотели любопытствовать, кто и как там живет, так что приходилось ступать веселее и держаться вместе, направляя стволы в темноту тоннелей. На всякий случай. Мало ли что высунется. А мы его раз и...

— Сука! — раздался выстрел.

— Где?! Откуда? Твою дивизию!

Я вздрогнул и закрутился на муфтоне, который скакал еще более судорожно, точно танцоры выплясывают народные танцы.

— Тишина, парни, держите животных за поводки! — скомандовал погонщик, гонясь за испуганной скотиной.

В караване воцарился хаос: некоторые муфтоны стартовали стометровый забег, ринулись с ящиками вдогонку уходящему солнцу. Охранники всматривались во все щелочки и дырочки, надеясь подстрелить хоть кого-нибудь. Пыль на тропинке в момент заполонила воздух.

— Давайте, девочки, шлеп-шлеп, уходим. Там не на что смотреть, — подгонял Дэн, сильно кашляя в локоть.

— Слева заходи, пали по дыре! — послышался сзади чей-то нервный голос.

— Куда пали?! Все мертвы, тупень ты!

— Уходим, парни, черт вас дери! И ты тоже поторапливайся, эх, неуклюжая какая! Перебирай ножками или что там у тебя — снайпер огрел рукой мое транспортное средство — и чудо, оно перестало крутиться на месте и отправилось напрямик за своими сородичами.

Через минут пять возни с животиной мы-таки собрали всех вместе. Особо нервных особей пришлось искать за холмами и в оврагах. Но мы оказались в узкой низине, обрамленной горами и скалами, прямо у одного из притоков Блюдока. Так что отсюда было только два выхода: или в реку, или к нам в руки.

— Десять, одиннадцать, двенадцать... Двенадцать девочек, Джо, все в сборе! — Дэн закончил считать муфтонов и опять закашлялся.

— Славно... А ты, Йен, в следующий раз, когда ты заметишь какое-нибудь зверье, тем более мелкого крысака, — сухо сказал погонщик, потирая лоб рукой. — Тем более одного, я замечу, там был всего лишь один уродец. Ты, будь добр, постарайся сообщить об этом, если, конечно, это не гигантский комоед, который... — он тяжело вздохнул и чихнул. — Который сломя голову бежит раздирать нас в клочья. Ты понял?

— Принял-понял, Джо.

— Ну что, братец, опробовал свою пукалку? Распугал весь караван? — иронично добавил Ян, подмигивая брату.

— Она хотя бы работает. И работает исправно в отличие от твоей...

— Так! Все ли в норме? Готовы выдвигаться? — твердо прервал спор погонщик и после одобрительных кивков посмотрел на меня. — Ты в порядке, парень? Как нога?

Я взглянул на свою ногу, потер ее и даже стукнул запястьем. Боли не было, как и признаков того, что меня ранним утром рвали клыками. «Странная штука, — подумал я и закрутил пальцем на небольшой красной точке, как будто отпетый алкоголик пытается показать на карте, где он проживает, — и что, даже шрама на память не будет?»

— Вижу, ты в полном порядке. Возможно, скачки верхом не возымели положительного эффекта, но от двух стимпаков все заживает куда быстрее.

«И что такое стимпак, — я опять отправился копаться в своей голове на предмет прочитанной литературы и каких-то стимпаков. — Может быть, это пилюли или пакет запрещенных веществ... Хотя не, только в моем городе такое продают...»

— Немедленно выходим к ферме, а вы, братья, присматривайте друг за другом. И прекращайте срать, — протяжно и четко сказал последнее слово погонщик, и даже Дэн, привыкший ко всему — я так думал — удивился сказанному. Видимо, никто и никогда не слышал такого от своего «босса». Но на старости лет вполне позволительно и давно пора обзавестись разговорным словариком легкой брани.

— Как всегда, вы закрываете. Надеюсь, скоро к нам присоединятся наши разведчики, и мы наконец-то дойдем до фермы.

«И ляжем на что-нибудь мягче, чем колючая спина все время мычащего муфтона, — подумал я, провожая глазами темное ущелье».

Шапки дальних гор наливались желтым светом, где лежал снег — сверкали. Тонули и утопали, наслаждаясь закатом. Долина постепенно уходила во мрак, небеса затягивались розовыми и лазурными нитями. Наравне с золотистыми, багряными и оттенком спелой бротошки они вплетались в замысловатые узоры.

Воздух наполнился запахами прогретых песчинок, сухой древесины и горными травами — сладостно возбуждающими и одновременно чарующими — а также ароматами чего-то пригорно-смолистого. Как по струнам они играли с моими ноздрями, улетающая так же быстро, как появлялись.

Я как мог прокрутил шею и заметил, что наш стрелок в кожанке вовсе пускает дым. Бежевая трубка в его руках, я мог поспорить, была сделана из маисового початка. Облупленного, отшлифованного и покрытого толстым слоем лака. Вот только где он достал лак — это интересный вопрос. Я хотел кликнуть Дэна, чтобы спросить, но тот судорожно закашлялся. Хрипло и устрашающе, как будто проглотил с едой комок шерсти, а потом старался выплюнуть его прямо из желудка.

«Или его хватил коклюш... — раздумывал я, уже обернувшись назад. — В этой сухой пустыне и не такое подхватишь... Или нет, может быть, это все его сигары?»

Мои мысли прервались от поднятых взглядов караванщиков, и мне пришлось снова обращаться. Правда, тут шея сдала обороты, закрипела — тогда я задействовал спину и ноги, отчего муфтон недовольно замычал.

С одинокого пригорка в нашу сторону кто-то подавал знаки и размахивал руками. Расплывчатая фигура то сжимала руку в кулак, то раскрывала ладонь, а после того, как ее заметили, пригласила двигаться за ней.

Через этот холм и тройку поворотов дороги мы завернули на лощину, ведущую прямо к обширной низине. Там нас покорно ждали два разведчика и старая ферма. Годами забытая в пустыне, замогильная и покосившаяся влево. Из намеков на то, что это была ферма, ничего не осталось. Никаких загонов и заборов. Никаких посадок, инструментов и горшков. Все замечено песком и землей — даже угол дома утопал внутрь.

На фоне горы одиноко высился деревянный домик в два этажа, один из которых давно обрушился. Фасад поблек, сделавшись тускло коричневым, обзавелся щелями и отверстиями от пуль, протяжными рисунками вырвиглазной краски. Крыша переехала на второй этаж, оголив побитую временем печную трубу. Рядом с домом теснилась пристройка, такая же тусклая и дырявая. Но все вместе это выглядело довольно приемлемо, если сравнить с моим городом. Уютно, спокойно, досочка к досочке.

— Вы что там устроили-то, парни? Мы сорвались к вам после первого выстрела, — начал ворчун, размахивая пустой бутылкой.

— Как же вы сорвались, если мы встретились у фермы? — причмокнул трубкой Дэн. — К тому же выстрел был один, а?

Разведчики поморщились и вопросительно уставились на снайпера.

— Повстречали в пути такого же ворчащего товарища, как ты. Ну и, собственно, уложили его на задние лапки. Слегка пошумели, чтобы вы не раскисали, — кинул Ян, отчего ворчун опять поморщился, запустив бутылку куда подальше.

— Ладно, ничего сверхъестественного, господа. Что сделано, то сделано. Думаю, ущелье немного прикрыло нас, и выстрел обреза раздался всего лишь глухим хлопком вдалеке, что явно мешает определить примерное направление...

— Нихрена себе глухим! — возмущенно прервал разведчик. — До сих пор звон в ушах стоит от ваших «пошумелок». Тем более с обреза. Кому пришло в голову-то пулять с обреза по зверушкам?

— О-оо, это ты моего братца спроси. Да-да, Йена.

— Так, хватит. Я повторюсь: что сделано, то сделано. Хватит этой детской ругни между вами. А вас, — Джошуа повернулся к разведчикам, и его жетон ударил светом в мои глаза, — ждет отработка своих тридцати монет. Да, чего смотрите на меня так, сегодня ночью сторожите караван. Первый пойдет Малыш, и без возражений.

Ворчун вздохнул и без колебаний и возражений отправился спать, а Малыш потер нос и уселся рядом.

— Покажешь мне следы, которые вы обнаружили тут? — мягко сказал погонщик и неторопливо последовал за Малышом.

Прежде чем Джо скрылся за песчаниковой скалой, он раздал указания по поводу пристройки и животных, которые непостижимым способом должны были туда вместиться. По поводу снайпера: ему посчастливилось спать под крышей, на втором этаже. А также «ни в коем случае не разводите костер». Относительно меня указаний не было, точно приравнивали к какому-то грузу или очередной скотине, пузатой и ленивой. Забыли и все на этом.

Пока я провожал взглядом двух мужчин, оставшиеся начали ерзать вокруг фермерского дома. Скидывали и заносили свои рюкзаки и сумки внутрь, попутно комментируя сегодняшнее происшествие, что им выplatят на руки и куда они спустят полученные деньги. Вариантов находилась уйма, даже больше, чем я мог себе представить: бар, еще один бар, но уже в

соседнем городе — не тот, где подают в основном мокрицы, а тот, который расположился левее офиса какого-то мерзкого типа. Появлялись идеи пойти просадить деньги в «пулеметном» казино. Почему оно ассоциировалось именно с пулеметом, никто так и не добавил. Может, одним из развлечений была стрельба по мишеням, а может, монеты там просаживались быстрее пулеметной очереди.

Привычная болтовня сошла на нет, когда вернулся Джошуа. Все ждали внятного рассказа по поводу следов, но задумчивое выражение лица говорило за него. Вопросов появилось больше, чем ответов, поэтому решено было оставить эти обсуждения и отправиться на боковую.

Меня же аккуратно сняли и поставили на ноги. Целебное нечто под названием «стимпак» работало по часам: я смог даже пройти до фермы и упасть на ближайшую подстилку. После пересоленного ломтя мяса и воды я завалился спать, еле подслушивая, с какими трудностями загоняют животных.

Не думая о завтрашнем дне, спокойно отрубился.

Во сне я вздрогнул. Опять кошмары, огонь и метро. Не выдержав наплыва воспоминаний, проснулся в поту посреди темной заброшки. На секунду я подумал, что меня заперли в подвале, борделе или другом месте, где любят ожесточенные пытки. Но быстро пришел в себя и уловил очертания знакомых людей. Двух братьев, высокого разведчика и седого Джо. Я повернулся на бок, задрал ножки, словно официантка, перевернулся на спину. Не спал и думал.

Надоело. Я резко встал, отчего в голову ударило давление, и тут же согнулся, стараясь не шуметь. Смирившаяся от сквозных отверстий дверь была приоткрыта, приглашая выйти на свежий воздух. И я последовал ее совету: вывалился с порога и широко зевнул. Ботинки затопали по земле, глаза доверяли лунному свету, вели куда подальше, пока не встретились с чем-то отдаленно напоминающим бесформенного мутанта. Темная фигура по мере моего приближения странно уменьшалась по высоте, а за десять метров и вовсе щелкнула предохранителем.

— Это ты?.. — послышалось вдали.

— Кто я? — смутно ответил я, столбом стоя на месте.

— Китан кажется, так тебя зовут? — фигура встала и сделала первый шаг ко мне.

— Да...

— Ты уже и ходишь, чудеса какие, — человек засиял автоматом и подошел еще ближе.

В этот момент я понял, что это Малыш, здоровячок-разведчик. — Честно, мы думали, что ты не выживешь, когда в первый раз увидели. Такой хлюпик... Знаешь, ты... хорошо намолотил этим псынам. Голыми кулаками, все дела.

Он жестом пригласил меня сесть рядом.

— Я раньше ничем не занимался таким, ну... рукопашкой.

— А так не скажешь, — хмыкнул Малыш и задумался. — Ты родился в Грешнице? Можешь рассказать о ней немного, я хочу... мечтаю там побывать когда-нибудь.

Он отвернул голову и опустил взгляд. Этот факт перестал быть его маленькой тайной.

— Слишком много людей туда рвутся, но мало кто возвращается, — начал я, усаживаясь на камень. — А зачем? Казино вытягивают монеты из карманов, дешевый и крепкий алкоголь помогает им, как и фиговая трава, любительницы пошалить. Или просто дуло у твоего виска.

Лицо Малыша обреченно глядело на звезды, не доверяя сказанному. Ведь всем город представлялся неограниченными возможностями, а вот она правда. Жалит и горчит.

— Да, все именно так, хм. Было так, когда я жил там. Не скажу, что это весело — отнекиваться от торчков на улицах, нороящих впарить мешочки и таблетки, наблюдать трупы, свалки для людей. Как страдают от такой жизни и как наживаются на этом Семьи. Я не желал бы кому-нибудь там оказаться.

— Но все дороги ведут в Грешницу. Рано или поздно.

Легким кивком и, к моему сожалению, я согласился с его словами. Вглядывался в пустоту ночного неба и думал, что раз мне выпало там родиться, может, мне будет место и на могилу?

— Знаешь, Китан, мой дед когда-то говорил «Никогда не возвращайся туда, где однажды был счастлив». Я слабо помню те времена... мне было от силы лет пять. Те улочки, громадный универ, улыбку матери. Мне пришлось уехать и забыть этот город, но я... хочу вернуться. Бросить все и уехать туда, посмотреть в лицо тем, кто меня растил. Внутри понимая, что никого, возможно, уже не осталось в живых, — сурово выговорился Малыш. Обнажил свои мысли, как барышня на час — имеющийся товар. Сложил и бросил в меня.

— Почему тебя зовут Малыш? — я попытался сменить тему, останавливая воспоминания того дня, когда я потерял свою семью. — Мне говорили, что у тебя есть настоящее имя.

— Ростом не вышел, банально, да? А что ты еще хотел услышать? Историю о моих родителях, захватывающих приключениях и что за мной охотились регуляторы?

— Эм, кто?

— Да неважно, уже все равно. Мое имя Романас, просто Ром. Так называли предки, и оно тоже служит мне напоминанием о моем прошлом, знаешь... наверное, у нас обоих детство было мрачным, — вздохнул Малыш, выдерживая паузу. — Мне двадцать три, а я торчу в загоне под названием Паддок — жизнь «удалась». Вот скажи, ради чего ты дышишь? Почему ты еще жив, пережив столько страданий? Переполз пустыню, завалил волка и продолжаешь идти, какой смысл?..

— Мой брат.

— Это его убили той ночью? Получается, месть?

— Его и она. Я должен попасть в Столицу, но как уже не знаю... — мое сердце наполнилось горечью, гневом и тревогой, забилося в такт секундной стрелке.

— Тогда не спеши, Китан. Ты всегда успеешь это сделать. Торопись жить, а не убивать. Поверь мне, я успел совершить много ошибок в своей жизни... Просто поверь, после этих событий дед вторил: ненависть не прекраща... — Малыш не успел договорить, как заметил ворчащего на каждый шаг паренька. — Жаль, эту походку я узнаю даже во сне, а так хочется забыть. Или выстрелить.

Разведчики поменялись, и я молча отправился спать. Малыш так и не закончил свой рассказ. Ни этой ночью, ни завтра. Но точку в нем рано или поздно поставят. Другие.

Звук пистолета потерялся в окружающем воздухе, плавно ушел вместе с ночной прохладой. А вот свист картечи прорвал мои уши. Я покинул мир кошмаров и схватился за контуженную голову. Дернулся, как и мои спутники, не понимая, что происходит.

— Черт подери вас! — раздалось сверху. Выстрел снайперки повторно оглушил меня.

— Откуда, суки?!

Дощатые стены задрожали: затрещал пистолет-пулемет, беспорядочно покрывая помещение, как нужник с раннего утра — мимо цели. Щепки иссохшей древесины летали по комнате, кружились в танце. Никого не задело.

— Дэн, видно кого?! Сколько их?! — поднял голову погонщик, укрываясь на полу.

Снайпер передернул затвор и отстрелялся.

— Ни черта не вижу! Чертово солнце слепит!

— Дело дрянь, — кинул Малыш, опрокидывая стол с различной утварью, чтобы за ним укрыться. Полетели тарелки и кастрюля в горошек.

Все заметались в поиске ящиков, бочек и другой мебели. Всматривались в узкие щелочки досок и мушек и не понимали, откуда и кто стреляет.

«На нас напали, — вслух подумал я, ошиваясь в уголке без ствола и надежды».

— Да ладно, твою дивизию! Напали, напали на нас! Нет, просто имеют в одно место весь караван! — не выдержал Ян, на что последовала ответная очередь в соседнюю картину. Та отвалилась с треском.

— Так дело не пойдет! — обратился погонщик, заметив мое плачевное положение. Из-за спины показалась рукоять. — Стрелять умеешь? Вроде как да, держи, береги патроны.

Я схватился за протянутый револьвер с коротким, будто отрезанный палец, стволом. Если и такой малюткой можно было выстрелить, то только распугать детей на рынке, крадущих кошельки из-под носа. Хотя, учитывая прежний опыт с револьвером, я не стал делать поспешные выводы. Вместо этого нырнул под ящики и стал искать подходящую мишень, чтобы опробовать новое оружие.

Комната переполнилась гильзами и напряженными мышцами, утренними лучами, сверлящими пространство. Суженными зрачками, страхом и таким убивающим молчанием.

Внезапно его прервал озверевший крик, такой страстный и одновременно отчаянный. Человек, гонимый адреналином и, наверное, психотропными веществами, стрелой влетел через окно, протаранив стоящего там Йена. На свету блеснул оголенный кинжал, и бандит скрестил оружие с ребрами светловолосого; хлестнула кровь. Вместе с осколками прежней оконной рамы и стекла они грохнулись на пол, издавая яростные вопли. Не задумываясь, к ним подключился Ян, сорвавшийся с укрытия. Резким ударом ноги он откинул стол, закричав от переполнявших его голову эмоций и чувств. Прикладом столкнул человека со своего брата. По звуку казалось, что черепная коробка бандита треснула, и мозги растеклись по полу, но нет, тот продолжал существовать и теперь одаривал караванщиков гнилой улыбкой. Понял, какое значение для нас и тем более Яна имел лежащий труп. Упивался утратой, как ядовитый скорпион. Прозвенел щелчок на винтовке, и в бандита с ненавистью улетела вся обойма. Секунды Ян еще сжимал пальцы на крючке, а после упал на колени, нервно заливаясь ревом.

Мы снова замерли, тщетно наблюдая за концом еще одной семьи. Если остальные продолжали держаться, то я готов был присоединиться к Яну и заорать так сильно, как не смог бы на третьем этаже борделя. Картина двух братьев, одного над другим, предательски сменялась сценой в притоне. Мой брат, его черные волосы, худое тельце, наспигованное шестистволкой, и ее лицо, наслаждавшееся страданием и бессилием.

Вернуть спокойствие, висящее на ниточке, помогла рука Джо. Он оттолкнул меня в сторону шкафа, указал на одинокую дверцу, и я послушно вскарабкался туда, заняв неплохую позицию. Одним глазом я наблюдал, как мои спутники разбрелись по комнате, перегруппировались и теперь готовы к встрече новых гостей. Ян, помрачнев и выдавив пару слез, прилег у брата, небрежно вставляя новый рожок в винтовку.

— Прямо в голову лысого черта с пулеметом! — сверху донеслись слова снайпера, и тут же свистнули пули, намекающие, что противник не собирается отступать.

— Двое мертвы, — обобщил погонщик. — Если это те подонки с горы, то их осталось всего трое. Трое на пятерых... Йен и Колай, твари...

Последнее имя немного покрутилось у меня на уме, ровно до тех пор, пока я не вспомнил второго разведчика, который остался на улице. Один. Сторожить ночью наши задницы, но, скорее всего, уснул под утро.

Не дав опомниться от слов, сказанных погонщиком, очередной камикадзе ввалился через несчастное окно, неожиданно и громко. Крутясь как волчок по комнате, он засверкал пистолетами в обеих руках, стреляя без разбора. Его выражение лица, только на миг замеченное мной, отражало абсолютно безэмоциональное состояние, и, когда казалось, что им движет ярость, страх или жажда чего-либо, то за всем этим стояла только тяжелая зависимость, а не мотивы и чувства. Бесконтрольный прием веществ овладевал и контролировал, поглощал без остатка любого человека. В этом я, к сожалению, разбирался слишком хорошо. И в лицах торчков, к сожалению, тоже.

Бандита уложили быстро — каждый скинулся по пуле. Правда, ценой одного нашего, самого мелкого и, возможно, ставшего мне хорошим знакомым.

— Еще и Малыш, подонки безмозглые, — разъяренно процедил Ян не в силах более смотреть на свалку мертвяков.

Погонщик скомандовал оставшимся не высовываться и открывать огонь только по его сигналу. Так у нас был шанс выйти победителями из неравной схватки. Хотя этот план напоминал мне те поспешные и необдуманные шаги в борделе, где мы, ведомые всем помалу, но не рассудком, взялись штурмовать Шмотти. Отчаянно и бездумно, крайне нелогично, а ведь можно было... Просто. Поджечь. Здание.

Наши уши прислушивались к ленивым и протяжным шагам, ступающим по скрипучей доске. Потихоньку, метр за метром они продвигались внутрь. Сквозь дверцу я рассмотрел четыре ботинка — два человека из одной банды. Видел и Яна, готового прикончить любого. Мы ожидали только сигнала, но каким он был, так и не узнали.

Гробовую тишину прервал хриплый звук: сверху кто-то судорожно закашлял, в ту же секунду зазвенел дробовик, пробивая доски и плоть, отчего на крыше перестали кашлять и громко застонали. Я выглянул глазком из шкафа: обломился потолок, а вместе с ним и тело нашего снайпера свалилось на пол.

— НЕТ! — Джошуа мгновенно выпрямился, утягивая за собой ящики, которые разлетелись по комнате с его последующей бранью.

В доли секунды он поднял автомат и оказался посередине дома, закрывая мне половину обзора. Послышались бесконечные очереди, вскоре к ним присоединилась еще одна. Я же замешкался, пристально следя за происходящим. Погонщик и один налетчик упали замертво, второго задело, но он еще стоял, обмениваясь выстрелами с Яном. Неожиданно для них раздался характерный звук: винтовку заело. И на второй раз тоже...

— Сука... — обреченно буркнул Ян, на что его тело приняло очередь свинца и повалилось на другие, еще теплые.

От такого поворота событий мои пальцы вздрогнули и невольно проехали по стенке шкафа. Как быстро я понял, что большей глупости от меня и не ждали. Последний бандит мигом среагировал, отправив оставшиеся три пули в шкаф, почти у моего торса. Опять щелчок, тревожное ерзанье и брань, много брани и самых излюбленных в Грешнице словечек. Долго соображать не пришлось: магазин у бандита опустел.

Как же крепко я сжал револьвер, только сейчас взвел курок и через дверцу опустошил барабан. Наделал дырок в старом шкафу, а за ним и в торчке.

Дым от выстрелов затуманил округу, и я подумал было, что меня тоже задело, что отправился в другую жизнь, за братом. Но скрипучая дверца, которая медленно скользила по петлям, вернула меня на место.

Через минуту туманное облако рассеялось, и дырявая дверка распахнулась окончательно. На полу застывала кровь. Словно островки, в ней неподвижно высились трупы. Стойкий запах заставил меня скорчиться.

Через сотни стальных отверстий комнату освещало солнце. Укрывало лица знакомых и не очень людей. Бегало по всем кастрюлям, осколкам и гильзам.

Только жетон, висящий на груди погонщика, тысячекратно множил его лучи. Рябил в глазах, склонял зажмуриться.

И я подчинился ему, медленно закрыл глаза.

Глава 4. Капитализм в загоне

Коричневая шляпа лениво смялась возле стены. На солнце поблескивала седина погонщика, его жетон и его неосторожность.

В крови холодели винтовки, гильзы и тела. Кастрюля в горошек и то, что осталось от картины на стене. Ветер игрался с пылью и отверстиями в вагонке, последняя частями торчала из снайпера, как и крупная дробь. Помимо сквозняка, комнату пронизывало мычание муфтонов и биение моего сердца, вскоре к этим звукам присоединился хлопок револьвера, выпавшего из рук. Не знаю, стало ли это привычкой, традицией — винить себя за всё, что происходит вокруг. Задавать вопрос «почему я, а не они». Почему я, прожив половину бессмысленной жизни, нигде не преуспевший, стою сейчас тут. Среди месива дикарей и караванщиков, свалки тел и самомнений. Зачем?

Мои глаза склонились вниз, и в них, как светлячок в банке, забился луч света. На погонщике до сих пор висела странная безделушка; гравированная, сделанная после старых дней, она продолжала отражать солнце. Мое любопытство множилось со вчерашнего дня, и я аккуратно снял цепочку, чтобы рассмотреть жетон поближе. Он оказался далеко не ровным, но мастерски изготовленным. Фигурный вырез с одной стороны намекал, что есть и вторая часть жетона.

«Половинки одного целого», — гласила надпись на нем. Я перевернул его, испачкавшись кровью. «...у тебя всегда есть дочь».

— И она потеряла отца, — шепотом проговорил я, вешая бессмысленную безделушку на шею.

Я осмотрел его кожанку и, кроме монет, вытащил документы и накладные перевозимого товара, контракт погонщика на имя Джошуа Ейн от караванной компании «Ходкая кобыла. Паддок», что явно намекает на следующий остановочный пункт по пути в Столицу. Ни записок, ни писем от дочери я не нашел, хотя в душе понимал, как же мне на это все равно.

— Ты видишь вокруг только наркотики и оружие. А в конце кровь и тела, — после этих слов губы сомкнулись, и в одну из них вонзились зубы. Я отвел взгляд в сторону и присел на задницу, поджимая колени: до сих пор не хотел признавать картину перед глазами. — Вот дерьмо.

Недалеко от Джо лежала его винтовка — старый охотничий карабин под патрон семь шестьдесят два. «Ну и Бог с ним», — подумал я, бегло бросая взгляд на входную дверь или то, что от нее осталось. Заляпанный кровью и ведомый рвотным рефлексом, я выскочил на улицу, где и одарил землю вчерашней едой. Картина на улице была не похожа на ту лужайку военных перед притоном Шмотти, но и приятной ее назвать не получилось. Трупы, оружие и снова трупы. Какие-то наркоманы и ворчун вдалеке. Я не смог взять себя в руки, чтобы подойти к нему ближе. Я не знал, жив ли он или другие. Может, кого-то можно было спасти, но что дальше?..

Мое внимание было охвачено мычанием, страхом животных, которых заперли переждать ночь в тесной пристройке. Судя по канистре, валявшейся рядом, бедных муфтонов хотели зажарить на завтрак. Наверное, решили оставить трапезу на потом, но в конце концов не смогли расправиться с одним кабанчиком. Мной.

Перед уходом я выпустил муфтонов на волю — убежать им было почти некуда, так что товар удастся сохранить в полном объеме, — взял не разбираю какую-то походную сумку, повесил трофейную винтовку на спину, которая могла выстрелить хоть раз, и пару ножей. Мною двигала только одна мысль: уйти отсюда скорее. Потому что то, что случилось той ночью, нельзя просто описать, проверить в голове, да и она уже начинала свою старую песенку: боли,

затуманенность, апатия. Может, было время похоронить этих людей с почестями, ведь они спасли мне жизнь. Может, и нужно было.

Единственная дорога, которая могла отсюда вывести, лежала за фермой. Вчера ее упоминали в разговоре, а потом и тщательно исследовали Малыш и Джо. Маленькая, холмистая тропинка, убитая следами: казалось, что здесь прошло стадо, а не два человека, искавшие ответы на свои вопросы. Она с радостью приняла еще пару сапог, только что снятых с какого-то трупа. Неспеша, поднимаясь всё выше, я чувствовал свежий воздух, отдающий травами долины, побережьем, жизнью. Заглотив сполна, я откашлялся. Снова и снова, пока не согнулся перед очередным шагом на пригорок. Он отделял мои глаза от необъятного вида, который все же ограничивался громадной горой — Стромой, как упоминали караванщики.

— Блюдок, Ублюдок. Река и город рядом, — вздохнул я сожалением, что не смогу туда попасть, потому что путь мой лежал совсем не через них.

Стоило повернуть шею чуть левее, до характерного хруста, и там красовались стены иного города. Того, в который точно необходимо забежать. Теперь я отчетливо видел поля, загоны, старые дома, стоящие на фоне большого завода — прямо как у себя дома. Некоторые трубы переливались золотом, а на билборде прослеживалось название самого популярного напитка, привезенного из других стран. Оказалось, что это старая фабрика «Голден Мерфи», явно закрывшая свои двери. Сам город отдавал воспоминаниями о ферме, здесь выращивали бротошку, маис, пасли скот. Довольно редкое сочетание, учитывая повсеместно отравленную землю вокруг, где только багульник или редкие кустарники чувствовали себя прекрасно. Все остальные культуры и живность были очень прихотливы к тому, где расти и что жевать. Пустыня вокруг Грешницы обладала нулевым потенциалом. Но она не была бесполезной, а использовалась в качестве хорошего примера того, как делать нельзя. Только наша ферма протягивала дары природы. В этом есть заслуга моих предков: они поселились возле отстойного пруда, куда сливалась вся канализация Грешницы.

По пути к стенам города я внимательно изучал то, до чего дотягивались мои глаза. Внешний периметр стен оказался разбитыми зданиями вперемешку с металлической сеткой, знаками и арматурой. Питалось это действие только с двух сторон. Спереди главный вход с вывесками привлекал караваны и заблудшие души, а правее расположился едва заметный черный ход, ведущий к какой-то установке прямо на реке.

Дорога оттуда выходила на гору и больше никуда не вела. Видимо, с помощью нее закачивали воду внутрь; трудно было представить, сколько ценной воды расходовалось только на орошение, не говоря о потребностях местных жителей. Подходя все ближе и ближе к «парадным дверям», волнение множилось стократно. Такое количество людей было привычно, но в моем положении, когда твою задницу высматривает всякий приближенный к Шмотти, опасно появляться на людях.

Словно муравьи, караванщики, торгаши, всякий люд сгребался в кучку и пытался пройти через пропускной пункт. Их осматривали, спрашивали и обыскивали обычные наемники, ничем не отличавшиеся от рядового бойца: ни энергоброни, ни энергооружия у них и в помине не было. Возможно, их выделяли слабо видимые нашивки, но я не придавал этому значения до тех пор, пока один из них не обратился ко мне:

— Имя, фамилия, по каким делам в Паддоке? — отрезал мои мысли солдат с красной нашивкой.

— Эм... Китан. Китан... я, я не знаю фамилию, но... у меня, э-э, — я начал рыскать по карманам бумажку погонщика. — Вот, мне нужно в караванную компанию отнести. Там... напали на один из караванов.

— Остался кто в живых? — он поднял глаза после беглого осмотра документа.

— Я...

— Так кто ты там? — ведя по бумажке пальцем, вставил наемник.

— Я? Китан я.

— Чего? Тут не указано никаких «Китанов». Только Джошуа Ейн, славный мужик был, его я знаю. А тебя нет, так что делать с тобой будем?

— А-а, ну, они спасли меня, а потом...

— Ладно, парень, — низкорослый заметил обилие крови и отверстий на моей одежде, — пусть с этим разбирается Рина, но сначала покажи сумку. В принципе, что можно ожидать? Ты слышал, что в Столице происходит?

— Дерьмо! Вот что там творится, блокпосты закрыты, пропускают только столичных — вмешался второй наемник с красной нашивкой, пока первый рылся в сумке.

— Мне рассказывал погонщик с каравана, вроде как. По крайней мере я знаю, из-за чего.

— Помнишь старого Джо? В шляпке гоняет всегда и... — обратился первый ко второму, но не успел закончить.

«Такое чувство, что эта двойня меня вообще не замечает, — подумал я».

— Малыш Джонни? А-а, ха-ха, такой еще в джинсовке рваной расхаживает и пропуском чиновника важного?

— Нет, не тот Джо. Джо, который старик Джо, ну, старый он, — низкорослый достал консервы из моей сумки, одобрительно помычал и продолжил поиски запрещенки.

— Тот Джо, что жил на второй улице и помер недели две назад?

— Не-не, этот умер сегодня по словам, вот, парня. Кстати, — тот поднял взгляд на мой жетон и добавил: у него точь-в-точь такой же жетон был. Гравированный.

— Джошуа Эй? А-а! Помню такого, жаль мужика будет. Так где он, говоришь, помер-то?

— Тут час пути, мне нужно быстрее отдать эту бумагу в караванную компанию, — я тычу в бумажку, не понимая, насколько плохая память у охранника, раз он не может даже сказанную фамилию запомнить.

— Ну ладно, сумку я твою проверил, — закончил первый свою возню с моими вещами, о наличии или отсутствии которых я не был в курсе. — Пропустим мы тебя, но только про мины предупреждай заранее: с ними тебя мало куда пустят.

— Мины?.. — удивился я поначалу, а потом осознал, что нужно сохранять уверенный вид. Собственно, это было очень сложной задачей. — А-а, да, конечно. Не подскажите, как пройти к караванной компании?

— Ки-ита-ан, — осторожно вписывал меня охранник в диковинное устройство с клавишами. — Тебе налево до вывески «Ходкая кобыла». Все, не задерживай.

Я забрал свою сумку, документы и свернул налево, стараясь не думать, откуда и какие мины лежат у меня в рюкзаке. Пропустили — значит все нормально, а иные мысли нужно гнать прочь. Они точно не помогут найти офис компании, ни закончить то, что начал.

Улочки города кишели людьми самых разных профессий, возрастов и социальных статусов. Если на прилавках они торговались, конкурировали, ссорились, то в плане мусора они дружно кооперировались, втихоря кидая бычки под ноги, лениво бросая бумажки мимо урны и отказываясь убирать за своей живностью, когда она делает дела на главной дороге. А всякой фауны тут хватало, соответственно, и дерьма было достаточно. И это понятие не ограничивается отходами жизнедеятельности, дерьма в городе действительно было много. Почти на каждом углу стояло по наемнику с разными нашивками, следившими за происходящим. По другую сторону дороги уже другие наемники выясняли отношения с торгашами. И рядом с караванной компанией тоже были наемники. Вот только их количество на квадратный метр значительно превышало обычные мерки. Они стояли, уткнувшись в даль улицы, сверля взглядом любую угрозу. Задумчиво перебирали, чем займутся вечером. Кто-то курил, кто-то кашлял. Их можно было разделить на две группы: те же красные нашивки и более золотистые. Те, что носили красный, оставались спокойными, рассудительными и не сильно обращали внимание на проходящих мимо путников. Оранжевые же натурально пялились одновременно и на

красных, и на любого прохожего. В последнюю группу входил и я. Но даже когда я подошел ближе, никаких действий они не предпринимали, лишь спросили, по какому вопросу я следую к «Рине». После ответа они попросили оставить сумку и оружие, позволили ожидать своей очереди внутри, распахнув дверь в это «заведение».

Оно было скромным на первый взгляд, хоть и не маленьким. Небольшая прихожая вмещала в себя потрепанный коврик, к тому же заляпанный от ног самых разных караванщиков и лавочников, пару лиц с оружием и милую статуэтку выючного животного, одиноко стоящую на комод.

Основное помещение было набито охраной и секретарями. Из окна солнце проливалось свет на сотни папок и файлов, абы как сложенных на полках, под ними и за ними. Документы норовились упасть, сложенные в стопки на полу, столах и руках секретарей. Все это отдавало сплошным хаосом в действиях компании, и тому, несомненно, была причина. Комната была поделена письменными столами на несколько частей, каждая из которых представляла свой внутренний мирок «Ходкой кобылы». Где-то выписывались накладные, слева на этих бумажках твердой женской рукой проставлялись штампы и передавались дальше. Впереди стояло несколько сейфов, из которых время от времени отсчитывались монеты, их опускали в тканевые мешочки и перекладывали в свои шуфляды.

Но больше всего выделялся резной стол справа. Его контуры, изгибы переливались цветом дорогого виски. Массивность столешницы контрастировала на фоне невысоких ножек, пары книг, что подпирали всю конструкцию, и хрупкой девушки, которая за ним сидела.

Казалось, такой страсти и амбиций в глазах я еще не видел. Каштановые, почти пепельные глазки одновременно боялись, бегали туда-сюда и заставляли подчиняться, робеть того, кто в них хоть раз посмотрит. Внимание почти всех собравшихся в комнате было приковано именно к ним. К ним, и их жертве, стоящей напротив.

— ...туфта, бредни кобылы, ваши подковерные махинации ни к чему ладному не ведут! Вы это и сами понимаете! — шатаясь, продолжал старик перед ней. По сигарете в его руках даже не нужно было постукивать: пепел сам спадал из-за сильного тремора.

— Мистер Гогель, я вам... — начала было девушка, собираясь активно жестикулировать.

— Это где ж видано, что какая-то там рента на животных составляет почти половину от указанного в контрактах... — захрипел и сжался седой, меняя позу для того, чтобы не затекали ноги.

— Мистер Гоге... — Рина попыталась вернуть его в чувства.

— Да это ПРОИЗВОЛ! — он дернул рукой так, что сигарета превратилась в окурочек и чуть не вылетела из его рук. — Меновая стоимость, указанная в ваших каракулях не соответствует...

— МИСТЕР ГОГЕЛЬ! — твердо прервала она, сжимая в кулак невзрачный договор. — Прекратите эти обсуждения немедленно. Прервите их в зародыше! Компания делает все возможное для скорейшего разрешения ситуации, и я вам гарантирую! Я гарантирую, что это не все препятствия, через которые нам с вами предстоит пройти. То, что происходит в Столице, не может не повлиять на дела в Паддоке. Вы! Вы это прекрасно понимаете, так же, как и саму суть повышения ренты. Без этого необходимого шага ваши культуры рискуют отправиться туда, откуда они прибыли. И если у вас, — она потерла свой маленький носик, — возникают хоть малейшие замечания к моей работе, то в углу стоит мусорка. Будьте любезны вносить их туда.

— Вы... да вы вообще читали записки заместителя первого председателя шестого собрания по разрешению кризисных ситуаций за пределами Республики, опубликованные вчера министерством экономики?..

— Нет, я ими подтиралась, — отпустила Рина, сверля глазами старика.

В комнате наступило молчание, на фоне которого были слышны только ухмылки некоторых секретарей и непрерывавший свою работу штамп. Последний пепел на окурке оба-

лился, а тот затух, чему активно способствовало дрожание рук пожилого мужчины. Вскоре он выкинул его в мусорку «для предложений», начал угрюмо сгребать свои документы со стола в кожаный портфель.

— До чего докатилась компания. Земельная рента, налоги на бочки. И что вы себе позволяете!..

— Я позволяю вести бизнес своего отца, а вы этому препятствуете, — холодно окончила Рина, ожидая, пока Гогель заберет все свои пожитки и уйдет восвояси. После того как старец сплюнул на пол перед выходом, бормоча что-то с опущенной головой, она продолжила заниматься своими делами по вычерчиванию каракулей на документах.

Комната заметно опустела: пожилого мужчину провожали все наемники с желтыми нашивками, и я остался совсем без прикрытия. Грядущий разговор рисковал быть последней каплей терпения Рины. Я не знал, на что способна эта девушка и как отреагирует на потерю целого каравана. Мало того, что ее груз до сих пор не распродан и, возможно, гуляет за пределами той фермы, так еще и караванчики лежат без признаков жизни. Хотелось ли мне стать пятиминутным туристом в Паддоке, которым вскоре удобрят и без того плодородную почву? Не очень. Надо ли мне попасть в Столицу? Собственно, я ответил на этот вопрос вслух и сделал шаг в сторону Рины.

Страница за страницей она брезгливо перебирала уныло лежавшую на столе стопку бумаг. Бегло осматривала и водила губами туда-сюда в надежде увидеть, наверное, достойные суммы. Но раз за разом выражение ее лица становилось только тоскливей. Спустя пары поставленных секретарем штампов, она наконец-то принялась расписываться. Рина макнула ручку в стеклянную чернильницу и черкнула на обрывке бумаги свою, видимо, фирменную подпись. Корявые «Ри», невысокие волны, как на радиоприемнике, и, зажав ручку между большим и указательным, дернула в сторону, расписывая линию до конца страницы. На столе в этом месте оставались еле заметные царапины от прошлых документов.

Девушка подняла свои кофейные глаза на секретаря и хотела было ему что-то сказать, но заметила неуклюжее, большое нечто в заляпанной кожанке, стоящее посередине комнаты с обрывками контрактов. Поняв, что я пришел с куда более досадными новостями, чем ей доводилось слышать, она вздохнула. В ее глазах больше не было амбициозности, азарта — осталось смирение.

— Слушаю, — владелица компании пригласила меня за ее стол.

Я покорно подошел поближе и положил ей все найденные бумаги прямо перед лицом, закрыв большую часть ее прошлой писанины. Нет никакого смысла ходить вокруг да около, пытаясь сгладить ситуацию. Она знала, что ей с этим делать, мне было отчасти все равно. Пробежавшись по контрактам и моему жетону на шее, она вздохнула еще один раз.

— Знаешь, сколько компании стоит отправить один караван от Паддока до Столицы? Сколько бумаги я использую для того, чтобы описать товар, нанять людей и оплатить их работу?

— Много? — я осмотрелся по сторонам и столам.

— Этой бюрократии бы хватило, чтобы расписать всю мою жизнь до мельчайших подробностей. Начиная с тех пор, когда мой отец основал компанию и покинул эту жизнь, заканчивая нынешними временами кризиса. И снова, и снова в моей жизни не переставают появляться такие скользкие жуки, мешающие мне вести мои дела. Тот старикашка, а он держит практически сорок процентов всей земли в городе, тому прекрасный пример. Он спит, пердит и видит, чтобы меня нашли мертвой в местной канализации. Уже семь лет, — она выдержала паузу, чтобы почесать свой носик, — семь лет я вынуждена наблюдать, как порог моего кабинета перешагивает разваливающийся, грязный памятник старой эпохи, вынюхивающий выгоду только для своих. Как и некоторые похожие личности, он пытается вывести меня из игры. Зачем же я подняла ренту в этот раз?

— Чтобы... он играл на твоих условиях? — это была не более чем моя попытка попасть пальцем в небо. Но, как оказалось, она была удачной.

— Чтобы он играл на моих условиях, — Рина захлопала ресницами и продолжила: — Но, к моему большому сожалению, этот старческий маразм занимается тем же, постоянно меняя правила игры. У меня есть догадки насчет того, кто напал на мой караван, и их придется выяснить. Тебе.

— Мне?.. мне нужно как можно скорее попасть в Столицу, я не планировал задерживаться в вашем городе.

Она зашевелила губами, но ни единый звук не вылетел оттуда. Вместо этого девушка взглянула на мои волосы, лицо, одежду и легонько закивала головой. Ее ресницы поднялись вверх, как задница у торчка, когда ему продают новую пустышку.

— Я знаю, откуда ты идешь. И куда, — Рина заставила меня дрожать. Каким образом эта девушка поняла и что она вообще поняла? Это оставалось загадкой. — Учитывая последние слухи, до таких выводов несложно дойти самостоятельно.

Мы снова играли в молчанку: я от страха, она от победы.

— Не знаю, чем я могу быть полезен.

— Ты единственный свидетель того, что случилось. Также я привыкла включать себя в список «люди, которые пользуются головой», и сюда точно не входит остальное население Паддока. Сделаем вывод, что никто тебя не узнает, а это именно то, что мне сейчас нужно. Курьер, про которого ничего неизвестно. Ты отнесешь пару посланий, — она постучала ручкой по столу в такт биению моего сердца, — и получишь за свою работу то, что поможет доковылять до Столицы. Что скажешь?

Вопрос повис в воздухе. Тем временем работа в компании не останавливалась, как будто такие разговоры были делом привычным. Мне пришлось еще минуту подумать над плюсами и минусами, которые сулила будущая работа. В принципе, кто меня знает в городе, в котором и ноги моей не было? Расхаживаешь себе от офиса к офису с письмами, приносишь вести: хорошие и не очень. Если плохие, то в Грешнице за такое могут закопать на месте, но тут тебе не Грешница, тут мало-мальски порядочный городишко. Со своими достопримечательностями, достойными, я надеюсь, осмотра.

Минута миновала, и я уже стоял за дверьми с малым конвертом в руке и сумкой пожитков, которые мне добродушно отдали. Рина вкратце рассказала путь, лежащий через рынок да ратушу, подсказала фразу и человека, которому ее нужно назвать. Таким образом тебя не пристрелят на месте. Сперва я поверил в эту брехню, но кофейные глазки сразу рассмеялись, увидев мою гримасу. Но я не смеялся ни до, ни после шутки — так мы и попрощались.

Завернув за угол, я снова вышел на главную улицу, где некомфортно было даже дышать, не то что передвигаться. Ароматы привычных овощей, трав смешивались со всем, что продавали на городском рынке, попутно сменяясь запахами пота, мусора, отходов жизнедеятельности местной скотины и, что хуже всего, рыбы. Мне понадобилось достаточно времени, чтобы прорваться через толпы народа хотя бы к первому прилавку, где запахи, к сожалению, усиливались. Видимо, все давно привыкли к обстановке вокруг и палитре благовоний вокруг рыночной площади. Когда проход стал куда более свободным, моим глазам наконец-то удалось рассмотреть товар, лежащий на прилавках. Благодаря плодородной земле вокруг здесь продавали любое наименование культур, доступных для выращивания. Люди кричали про колбасы, соленья и варенье из ядовитых ягод, которое можно употреблять в пищу. Торговались и спорили над радиоприемниками, кожаными изделиями и даже трубками из початков маиса.

— Как у вас, бабушка, вырезка, свежая? — меня сбил с прохода и мысли незнакомец, подумав, что я высматриваю мясо.

— Так это вяленое, прошлогоднее. С той весны еще лежит! — кинула бабка за прилавком, после чего провожала взглядом хмыкающего покупателя, уходящего вдаль.

«Вот хамло», — подумал я и пошел дальше по площади, отдаляясь вглубь города.

Подходя ближе к концу рынка, мне все больше открывалось старинное здание с часами. Нельзя было понять, на каком часу стрелки остановили свой ход, ведь они, ржавые и несчастные, повисли и раскачивались при любом дуновении ветра. Блекло-желтая штукатурка где-то потрескалась и обвалилась, оголив кирпичную кладку. Сам фасад выглядел крайне мрачно, и даже портик, образованный серыми, словно сажа, колоннами, не спасал положения. Через заколоченные досками окна местами прорастали плющи. Многие из них замерли, оставшись лишь коричневым, засохшим стеблем. Ратуша не подавала ни единого признака жизни, кроме воронья, облюбовавшего дырявую крышу. Вся история города сосредотачивалась тут, любые события, решения непременно затрагивали именно это здание. Оно задавало, а где-то даже диктовало тональность музыке, шедшей по простецким улочкам Паддока, и как же иронично оно сейчас стоит в руинах, выделяясь на фоне хаотичного и шумного рынка. Только один вопрос держался в голове, пока я не повернул на нужную улицу: а кто руководил городом сейчас?..

Мелкий проход, в который я забежал, теснился между витринами магазинчика и трехэтажки. Прямо под одиноко качающейся вывеской, указывающей куда угодно, только не внутрь. От него не несло сыростью, перегаром и слухами об очередном передозе. Он был аккуратным: пожарная лестница, мусорка и дверь, в которую Рина сказала постучать. Но пара ударов по дереву не помогла мне завершить начатое. Посылка застыла в моих руках, я заходил на второй круг, после которого мне грубо крикнули:

— Чего надо? — послышался высокий голос и бряканье магазина.

— У меня письмо от Рины, она просила передать, что «собаки лают, караван идет».

Внутри послышалась суета, говорящий отпустил цепочку, провернул что-то в двери и два раза подергал за ручку. После махинаций с открывающими механизмами меня впустили в комнату, полную людей с оружием и выпивкой. Они не выглядели как наемники: их одежда точь-в-точь соответствовала любому погонщику, за исключением элегантной шляпы Джо. Но их оскал, озабоченность и где-то даже скрытность выдавали в них проплаченных боевых вояк, готовых на сиюминутную операцию. Правда, сейчас они были готовы только на застолье по случаю какого-то события.

— Садись, — один из них указал на бархатное кресло с выглядывающей пружиной с одной стороны. Я покорно передал ему сверток из офиса и не сдержался задать вопрос:

— Отмечаете?

— Отмечаем, — ответил другой и протянул бутылку Голден Мерфи. Я не отказался.

— Скоро не будем, у нас работка, парни, — сухо заметил первый своим высоким голосом, больше походившим на подростка, нежели на рослого увальня с абаканом. — Из того каравана остался кто в живых?

Я перекрутил воспоминания вчерашнего дня: как завалил последнего торчка, осматривал окрестности и выгонял скотину на улицу.

— Я застрелил последнего с револьвера. Караванщики... никто не двигался, когда я уходил.

— Муфтоны, товары, где это все? — на фоне беседы, более подходящей на допрос, послышалось неприятное сербанье.

— Должны гулять возле фермы, ну там некуда убежать, я надеюсь. Значит ферма вот...

— Здесь вокруг только одна ферма, не считая конюшен. Не у них же остались муфтоны?

— Нет, это была маленькая...

Мне опять не дали договорить. Они закончили разговоры и стали собираться, обсуждая детали ходки. Видимо, ферма была настолько знакома в здешних кругах, что общение со мной было бессмысленным. Курьер на то и курьер, чтобы просто передавать посылки и письма.

Я вылетел из помещения с бутылкой пива, скромным сообщением для Рины и целым мешком вопросов в моей голове. Абсолютно ничего не позволяло обдумывать их на моем пути. Даже маленький градус Мерфи все равно действовал на сознание, которое переключилось на инстинктивное существование в пределах этого города, а не на активную мозговую деятельность. Вообще, новый работодатель вопросы не приветствует. И я направлялся к нему, просто подмечая то, что не успел рассмотреть раньше.

— Вы здешний? — на повороте ко мне обратился мужчина в пальто, прижимая к стене ближайшего здания.

— Да, а вы? — соврал я зачем-то.

— Нет, меня разыскивают, — человек говорил быстро, сплевывая что-то через левое плечо. — Они идут за мной, найдут меня...

После этой фразы он оголил свое пальто и вынул картонную папку, покрытую сажой. Протянул прямо мне в руки, но оттуда выпали все листовки, расчеты, бумаги. Мужчина замешкался, стал согребать их воедино, пытаясь не потревожить еще более обгоревшие документы.

— Сраная продукция бюрократии, — все пытался он, пока я рассматривал его ближе.

И чем больше мои глаза врезались в его черты лица, тем больше мне казалось, что ему не больше пятидесяти лет. Только хриплый и дрожащий голос сбивал с толку.

— Я министр экономики, помогите мне, ей богу! — откашлял он, после чего мы закончили собирать папку.

— Держите, мое имя Дамир Беланже, Бе-лан-же. Эта папка, эти документы чуть не сгорели вместе со мной. Меня пытались сжечь, представьте себе, всю мою десятилетнюю работу! Я вас умоляю, — министр положил руку на мое плечо, — я молю вас, донесите эти документы до Матарио Лунара, местного фермера.

— За что вас так... э-э, министр?

— Это не есть предмет разговора. Ваши деньги, — он положил мне в карман республиканские монеты и вздохнул. — Я должен явиться на суд завтра же, у меня этих бумаг быть не должно, как и моей ноги в этом городе. Передайте их срочно, не задавайте вопросы.

Вопросы я не успел задать: он не попрощался и исчез в толпе. На торговой площади послышались крики...

Рина сидела в недоумении, глядя на обрывки бывшего конверта. Когда я пришел, она дорывала их и кидала на стол. Нет, она их швыряла. Ее ресницы даже сейчас были неотразимы.

— Мне принесли эту «бумагу» совсем недавно, — начала Рина, заметив меня. — Какой-то дяденька свинопас полностью ОТКАЗЫВАЕТСЯ от моих услуг! Его не устраивает моя рента, мои животные и, цитата, «мои сомнительные экономические махинации»!

Кофейными глазами она уставилась на меня, ожидая, видимо, ответа. Его не поступило.

— Я пригласила человека к себе, сюда, выпить кофе и поговорить, но он меня послал куда подальше. Написано, — Рина заглянула во второе письмо, — «Я собираюсь доставлять свои заказы самостоятельно». Как? На свином горбе? Так на нем СВИНУШКИ растут!

Девушка решительно смела письма свинопаса со стола и почесала свой носик. Я стоял спокойно, наблюдая, как кусочки документов кружатся в воздухе. После небольшой паузы выложил на стол сообщение от тех погонщиков, которые ушли на фермы.

— Вот, что я ждала: выполнения работы. Пока мой караван разыскивают, ты отправишься к этому свиному загону. Поговори со свинопасом, выясни, что он собирается делать, спроси про наем работников. Я хочу, чтобы он оставался в игре, а не разрушал десятилетние устои городского капитализма. И, наверное, — она улыбнулась буквально на секунду, — я тебя отпущу восвояси. С причитаемым добром, разумеется. Сейчас мне нечего тебе сказать, хм?..

— Китан.

— Я жду тебя здесь, Китан, не запаздывай, — девушка опустила свои глаза. После ее фразы остался приятный шлейф эмоций, и я улыбнулся ей в ответ, хотя она была увлечена записками и работой. Выходя, мне пришлось обернуться.

— Не знаете, кто такой Матарิโอ Лунар? — вспомнил я лежащие в глубине сумки документы.

— Законченный идиот, — закончила она нашу беседу. С мыслями отдать документы, как и с ней, я попрощался.

Вечерело. Город потихоньку покрывался мраком, и ни одна вывеска не торопилась осветить дорогу. В пути я стал замечать, что в нем почти не было никаких ярких огней, рекламы. У Паддока отсутствовала ночная жизнь вне таверн, мотелей и забегаловок. Вместо торчков с сигаретками, по улице гуляли наемники. Вместо дешевых и не очень проституток — фонари любовали птицы. Голодные, они ждали, пока рынок опустеет, чтобы устроить дебош в мусорках и переулках, куда выбрасывали остатки пищи.

Площади и прилавки сменились протяженными улицами с многоэтажками, а за ними лежало то сокровище, которым так дорожил Паддок: фермы и загоны под скот. Нескончаемые поля маиса с причудливыми пугалами, башнями, хибарами. По другую руку стелилась любимая бротошка, уже обгоревшая на солнце. Многие стебли были чем-то поражены и частично съедены. За года, проведенные в Грешнице, никто такой проказы не видел. Может, неурожайный год. Или вредители.

Постепенно окрестности заполнялись забором и хлевами для животных. Как я понял, здесь выращивали не только муфтонов, но и свинушек, что у нас категорически запрещалось. Сами грибы, растущие на спине свинушек — и они тоже назывались свинушками — были даже деликатесом среди населения. Но сами животные зачастую являлись переносчиком всего спектра убийственных заболеваний. Не для скота. Только для нас, людей. Поэтому для них нужны особые условия, которыми не могли похвастать рядовые животноводы: свинушками занимались ветераны. Где-то далеко в душе я понимал свинопаса благодаря этому факту.

Вонь, стоявшая повсюду, усилилась. Мои боты уперлись в какой-то семейный домишко с людьми на крыльце.

— Если ты к Старшему, то он принимает ванну. Обожди, — прокашляли наемники.

— Видимо, я иду к нему.

— По каким вопросам? Надеюсь, не втюхивать никому ненужное маисовое пойло или средство для обработки вымени.

— У свинушек же нет вымени, да?

— Прикинь, его там действительно нет. А торгаши, сука, все на одно лицо. «Это на будущее, пригодится», «Ну как это нет? Раз нет, так обрабатывайте копыта!».

— Их бы обработать на комбикорм, — вкинул второй из охраны, потягивающий сигарету.

— Так, повторяю вопрос, по каким делам ты пришел?

— Ну, я слышал, будет работка в качестве караванщика, вот, пришел поинтересоваться, — я учился импровизировать, дабы не выглядеть идиотом.

— Это правильно, — одобрительно покивала двойня, — Старший нанимает ныне работа: требуются всех мастей парни. Охрана, погонщики, ну и няню малому ищем. Ты, этого, присаживайся, потому что Старшего ждать еще долго.

— Да, бери стул тут рядом, — продолжил второй, указывая на табуретку в углу. — Ванны — это давняя традиция по четвергам, мы в это время на перекуре.

Только сев на стул, я понял, что сейчас вечер четверга. Все даты улеглись у меня в черепной коробке, и мой язык пустился дальше поболтать.

— А ваш, э-э, Старший... он хочет основать свои караваны? — с осторожностью бросил я. Курящий сделал пару затяжек и выплюнул сигарету за крыльцо.

— Понимаешь, парень, если бы не Рина и ее цирк, Старший... все жили бы спокойней, — сплюнул он туда же, где догорал окуроч.

— Я давно хотел шагнуть по Пустоши с винтовкой наперевес, зная, что наши товары будут доставлены или кого-нибудь не кинут на бабки, — жестикулировал первый, после чего заглянул в окно и ничего не добавил. Ванны все еще принимаются.

— Рина кинула на деньги? Вас?

— Мы не знаем, никто не знает. Ее Ходкая Кобыла — это единственная опция у фермеров тут, в Паддоке. Что стоит за ее бюрократией, никто не разбирается. Только скользкий жук к ней забегает, точит лясы и устраивает скандалы. Заглянул бы я к нему на фабрику, говорят, там под землей целые цеха и поля бротошки.

— Мистер Гогель?.. — сразу смекнул я.

— Да, он самый, — первый замолкнул и по звукам в комнате сделал вывод, что пора закругляться. Он взял мою сумку, и они со вторым отправились восвояси.

Во мне рождались сомнения. Неужто я и вправду обманываю людей, при том на первый взгляд таких простых, добродушных? Ради денег и карты. Ради своего брата. В момент у меня появились мысли насчет всего, что я делал в не менее безнравственном городишке, чем моя Грешница. Ко мне в голову закрались старые сны, возможные преследователи, погибший караван; я чувствовал себя виновным за все сразу, грешным. Вопрос только в том, у кого просить прощения? Господь давно не посещал эти места.

— Новый в городе? — меня поприветствовал пузатый мужчина с заляпанной майкой и пригласил внутрь. Его одежда давно не была в стирке, да и он не казался только что принявшим ванну. Полотенце, которым он до сих пор вытирался, было в грязи. Сальные волосы блестели, как обложка порножурнала в ларьке.

— Да... я хотел узнать по поводу караванов. Вы же их запускаете, да? — я уселся на бархатный диван — это все, помимо кресла-качалки и одинокого ковра на стене, чем выделялся интерьер.

— Дерьмо случается. Да, я хочу нанять людей и понять, чего стоит моему двору пройтись до Столицы и обратно, — глава дома размял косточки на кресле-качалке и отправился в путь.

— А почему не Рина?

— Почему ты перешагнул мой порог, а не застрял у Рины в офисе?

— Я был там, но... мне хочется узнать, что предлагаете вы.

— Не знаю, откуда ты сюда приехал, надеюсь, не из Столицы, хах. Но тут, в Паддоке, грязи достаточно, — начал свой рассказ Старший, ускорив покачивание. — Люди, бизнесы, связи — все это месиво, которое нужно разгребать. Те, кто уже десятилетиями тут наводят порядки, уже по колено в дерьме. Мы же только пару лет занимаемся свинушками в Паддоке и мало кого знаем. Держимся отдельно, и никого из моих людей не устраивает, что тут творится. Особенно у Рины.

Мужчина задумался и сгорбился.

— Так откуда ты? Я забыл представиться, — потянулся он, чтобы пожать мне руку, — меня кличут Чечесом.

— Я Китан... Родился недалеко от Грешницы, ну... я здесь не так много знаю, особенно про Рину или «порядки».

— Ах, — усмехнулся Старший, — про нее не хочу говорить. Она держит бизнес отца, я ее за это уважаю, но... как она это делает — мои парни бы сказали «по-свински», однако для меня свинушки всегда были куда лучше людей. Рина ведет дела так, как она захочет, и нас она никогда не спрашивала.

— Это из-за повышения, эм, ренты?

— Не только, парень. Видишь ли, такое происходит из года в год. У нас просто нет выбора: мы слепо подчиняемся тому, что она талдычит. Другие как-то могут договориться с ней, а мы, — он кинул взгляд на окно и не решился закончить фразу.

— А вы решаете делать свой бизнес.

— Да не в нем дело, не в деньгах. Почему все должно быть завязано на этих чертовых монетах. Мне уже в глотке сидит эта Рина и ее компания.

— Так если не деньги, тогда в чем проблема?

— Я ж тебе говорю, — его голос начал ускоряться и твердеть, дыхание участилось, — дело в моем дворе. Зачем нам сдалась эта афера с Риной. Я ей так и ответил, что хочу доставлять товары самостоятельно. Муфтоны уже есть, осталось нанять караванщиков.

— И когда планируете выехать с караваном?

— Когда-когда, как только, так сразу. Не задавай мне тупых вопросов, лучше скажи, что ты там хотел от меня?!

Я заметил его дрожание на стуле. Он ерзал, иногда останавливал нервную ногу, громко шмыгал носом. Мои вопросы, по-видимому, выносили ему мозг.

— Ну, я... э-э, хотел узнать о работе караванщика... Ну, э-э, там... — после моих слов Старший взялся за кресло руками, пытаясь держать себя в нем. Он тщательно осмотрел мой жетон, который я теребил время от времени. Мою одежду и кровь на ней.

— Так ты от кого вообще пришел, а? Не от Риной ли? Говори, пока тебя отсюда не выкинули. И говори честно!

— Да нет, я просто хотел узнать по работе.

— Не верю!

— Это правда, я вам говорю..., — я встал с дивана и начал жестикулировать, чтобы выложить на стол еще пару лживых предложений.

— Брехня! Сукин сын ты! На кой черт вы лезете в это, падлы! — он попытался подняться с кресла, но его пузо утонуло в объятиях деревянных прутьев и мягкой подложки под задницу.

— Успокойтесь, я... э-э, не местный, меня не волнует...

— Я тебя сейчас успокою, жук! Не волнует его, что тебя не волнует? Пошел вон! Вон из моего двора! — его агрессии не было предела.

Старший сделал вторую попытку встать, и у него это получилось, пока он не зацепился ногой и свалился обратно в кресло-качалку. Деревянный каркас не выдержал веса Чечеса, и последний просто протаранил свое излюбленное место пребывания. Кресло развалилось на части, впиваясь в пухлый зад и другие рельефы мужчины.

— СУКА! СУ-УКИ! Мое чертово кресло! — он поднял какую-то деревяшку с пола и начал вставлять на ноги. Его оскал вселил в меня мысль, что надо, сука, опять убежать.

— Куда собрался, гаденыш, а-а?! Кто свиней кормить будет?!

— Да сам иди у своих свиней валяйся, — ляпнул я, пытаясь куда-нибудь слинять из комнаты. В окне виднелись силуэты охранников, а Чечес уже поднялся на ноги и готовился бежать на меня с боковиной кресла-качалки. Нас разделял только диван, и мы выплясывали вокруг него, пытаясь поймать друг друга.

— Некуда бежать, жук? А?! — разорался животновод, высверливая меня глазами. Его жир переплывал с одного бока на другой.

После этих слов он совершил неожиданный маневр: стал перелезать через бархатный диван, но, увы, у него не получилось. Я толкнул его ногой — он свалился на пол с криками и матами. В это время в комнату ворвалась двойня, а я, как учили в молодости, протаранил ближайшую дверь, выискивая выход на улицу.

— СУКА!!! Беги и передай этой суке, что ее Ходкая Кобыла никогда не увидит моих свинок. НИ-КО-ГДА! — слышалось на фоне, когда я удирал через помещения. После третьего я решил выпрыгнуть в открытое окно, потому что иного выхода не было.

Мои ноги подкосились, когда я приземлился то ли в грязь, то ли в дерьмо, на котором лежали окурки. Несмотря на мои физические данные, охранники не преследовали меня. От одежды несло фермой и свиньями, а ноги оставляли грязный след прямо до офиса Рины. Эта «прогулка» стала для меня очередным уроком в жизни. Раз не фатальным, значит из него нужно делать выводы. Какие сделал я? Необходимо во что бы то ни стало съехать с этого капитализма в загоне.

Терпение Рины не лопнуло, когда я переступил порог ее офиса. Она изучала меня с любопытством, ее ресницы нежно бегали вверх-вниз по моей одежде, телу и даже лицу. Только в самом конце девушка решила заглянуть в мои черные глаза.

— Ты выглядишь избитым и голодным. Не знаю, что поменялось с нашей первой встречи, но тебе нужен отдых. Я уже договорилась с мотелем через дорогу. А сначала... что все же случилось со свинопасом? — заботливо щебетала она.

— Он просил передать, что «Ходкая Кобыла никогда не увидит его свинок»... э-э, и чуть не кинул в меня палку от своего кресла.

— Засранец. Он еще принимает грязевые процедуры?

— Да...это были какие-то ванны...

— Не удивительно, что так воняет, — она не решилась почесать свой носик, вместо этого просто скривила его. — Так, что он там делать собирается со своими свиньями?

Я посмотрел на кресло рядом с изящным столиком Рины в надежде присесть, но девушка покачала головой, отметив, что лучше я постою.

— У него есть муфтоны, ему осталось только нанять караванщиков там, охрану. И пуститься в путь. Время он не обозначил.

— Рано пташечка запела, накупила скот и думает, что справится с дорогой и бумагами. Многие начинали, но все сдались после банкротства. Паддок не увидит второй караванной компании, по крайней мере в ближайшее время, и поэтому у меня определенно есть, что тебе передать. Это будет последнее послание, Китан, — она потянулась за ручкой и принялась выписывать записку. — Там, куда ты забегал раньше, осталось пару человек. Они ждут только команды — больше ничего не требуется. По выходу ты получишь все необходимое, а после записки можешь переночевать в мотеле и... отправляться в путь.

Она передала мне сверток и пару улыбок, перед тем, как попрощалась. Я выходил из помещения по своим старым следам, грязевым отметинам от подошвы, чтобы не наследить еще больше. С тоской, что все так быстро закончилось.

— Китан, — слышалось сзади. Я аккуратно обернулся, чтобы не задеть мебель.

— Береги себя.

По выходу мне все-таки втюхали полную сумку с обещанным. Карта, расходники и провизия были на месте, кроме... документов. Я замер перед офисом, вспоминая крайне важные бумаги Беланже, которые нужно передать... Мата... Матахар... Матариио какому-то. И они были от самого министра экономики Республики, черт его побери.

— А где мои мины-то, сука? — негромко ляпнул я перед наемниками, на что они, конечно же, обратили внимание.

Постояв наедине с перебором прошлых событий, я понял, что сумка осталась у свинарника, и абсолютно все потеряно. Впрочем, подумав еще минуту, мое сознание решило, что это не приоритетно. Ноги расстались с дорогой возле офиса и вышли на торговую площадь. Город полностью оккупировали птицы.

Передавая послание, я подметил пару баллонов с топливом или газом, стоящие в том же помещении. Их накрывала плотная ткань от посторонних глаз. Хотелось бы сказать, что моя пара «окуляров» настолько зоркая, да и вообще навыки разведки, боя, реакция — все было на высоте — и именно поэтому я заметил баллоны, однако это полная туфта. Как про дилера сказать, что он помогает населению раскрыть свой творческий талант. Вздор, ложь и выдумка.

На оставшемся пути я тщательно искал мотель и понимал, что больше не увижу Рину. От нее оставалось послевкусие: терпкое, контрастное; она была мягкой и одновременно на взводе, темпераментной и элегантной. Как нидзельное топливо, она обтекала все препятствия, растворяя в себе всякую побочную сущность. Одной искры в моих глазах было достаточно, чтобы разжечь ее пламя. Казалось, она обладала нескончаемой энергией, и я верил, что город в конечном итоге упадет под ее началом. Или концом. В общем, Рина была бесподобной фигурой.

Мой живот урчал, да и восходящая луна со спиной твердили, что пора на ночлег. Почти без слов, я заселился в тот мотель, на который мне указывали в офисе. Бабушка за столиком показала, куда можно положить свои кости, где скинуть одежду и одеться во что-нибудь попримечнее. Где есть и где есть туалет. В моей комнате бабка открыла шкаф с новой формой и роскошной бронекурткой, которые предназначались, конечно же, мне.

Это был бесподобный подарок, словно сигарета после прелюдии. Я затягивался им еще пару минут, пока не грохнулся на постель. На обшарпанном потолке висел вентилятор, медленно обдувал мое тело, ножки, которыми я дрыгал от счастья. Это была минута эйфории, под конец которой я заснул. В надеждах увидеть ее еще раз. В мыслях, как скоро продолжу дорогу мести.

Кошмары беспокоили меня и этой ночью. Их прервал дым, ворвавшийся в комнату. Скапливаясь у того же вентилятора, он почти дошел до высоты кровати. Мне пришлось покинуть покой и выбежать из здания. Я находился в состоянии полусна, все события той ночи, когда я выбежал из притона Шмотти, смешались внутри, и я испытывал дежавю.

На горизонте горела ферма. Пламя распространялось с ужасающей скоростью и приковывало взгляды всех, кто собрался на улице. Отчетливый визг свинушек прошелся по городу, пока мы, наблюдатели, не увидели ошеломляющий взрыв. Что-то сдетонировало в горящем свинарнике — черные доски полетели вверх, в воздухе осталась красивая шапка от взрыва, доносилась вонь гари и подгоревшего бекона. Все люди стояли с раскрытыми ртами. После подрыва они разделились: единицы побежали к свинопасу на помощь, а остальная часть стремилась уйти как можно дальше. Только я подумал, что в этом могла быть вина моих забытых мин, как меня сбили с ног. Я упал в грязь и, по-видимому, снова отрубился.

— Эй, ты. Ты живой? — меня попинали ногой. Я повернулся к источнику звука — свет восходящего солнца ослепил мои глаза.

— Поднимайся, парень. Сильно впечатлительный, что потерял сознание? — продолжал бормотать какой-то прохожий.

Я смог подняться на ноги. Когда у меня получилось посмотреть на чистое небо, я обернулся к ферме, чтобы оценить повреждения.

— Черт... — сказал я вслух.

— Тот, кто это сделал... надеюсь, их найдут и повесят. Сволочи такие...

Дальше я не слушал, потому что замер от увиденного. Хлев и пара деревянных строений просто исчезли. Столб дыма поднимался, указывая на их прежнее расположение. Уцелела половина того самого дома, где грохнулся Чечес.

— Он жив?.. — спросил я между строк.

— Да... он не выходит из здания, — после паузы ответил незнакомец и покинул меня из-за бессмысленности нашей беседы.

По улицам шли единицы с цветами. Блеклыми, почти засохшими пережитками прошлого. Вроде никто не умер, но любая трагедия объединяет людей. Сочувствие, скорбь и страх сковывают население, готовое отдавать потерявшему. Для свинопаса этой потерей не был кусок здания или бизнес. Для него ударом была бы утрата свинок. Не считая упомянутого «малого», конечно.

Я понимал, что причастен к этому всему самым прямым образом, хоть и был курьером. Просто выполнял указания компании, которые обернулись катастрофой. И она пока что не

закончилась. Недалеко от офиса Рины скопилась толпа возмущенных людей, они кидали различные вещи в наемников. Камни, палки и бротошку. Среди торгашей, вояк и фермеров выделялась одна низенькая фигура, командующая парадом. Седовласый мужчина, который вешал лапшу на уши и подгонял население. Даже сейчас у него тлела сигарета в руке.

— Гогель, скользкий жук... — шепотом проговорил я, начиная свой путь из города долой, так как, видимо, на меня тоже открылся сезон охоты.

Ветер разносил пепел и пыль, а меня занесло прямо к дверям моего мотеля. Тут был второй, более парадный вход, вывеска над которым гласила «Шалая забегаловка». Надо забрать вещи, так что я ринулся внутрь, не ожидая никого встретить. Однако встреча произошла: бар заполнился другой недовольной толпой. Здесь седовласых фермеров не было, но... на меня обратил внимание рыжеволосый мужчина средних лет с лишним весом. Элегантные очки и разные украшения говорили о статусности.

— ...АХ-ХА-ХА! Рина, да кто она такая? Не смешите меня, в нашем городе девушка не может управлять караванной компанией! Пф-ф, только представьте ее на должности министра, мэра. Это смешно! — гоготал он на свою аудиторию подвыпивших и готовых к действиям мужиков. Неудивительно, что ни одной девушки в его окружении не виделось

— В двадцать первом году, когда она начала споры с Грешницей, все было предельно понятно: ее компании ко-нец! Она сдулась, посмотрите. Ах! — смеясь, поперхнулся он. — А вот, скажите, ваше отношение к Рине?

Я понял, что указывают прямо на меня, еле идущего, побитого кабана, у которого заколотилось сердце.

— Я не имею к ней отношения.

— Все имеют, хах! Даже эта столешница имеет, потому что, — он постучал по ней, — наша владелица караванной компании!

В баре стоял гогот. Продолжительности его было достаточно, чтобы рыжеволосый осмотрел меня получше и заметил блеск жетона, мою одежду, руки.

— Так ты тот самый курьер, который угробил Чечесу ферму?..

— Я?! Я тут проездом.

— Да-да, так что же у нас получается. Вот, посмотрите, типичный сообщник Рины, которого она использовала как свою куклу. Ничего нового мы не узнали, потому что ее методы известны каждому в городе. Каждому!

— Наглая ложь, я не знаю ее.

— Пха-ха, твоя попытка замести следы ПРОВАЛИЛАСЬ с треском! Все факты работают против тебя, — он замахнулся, и бутылка из его рук полетела в мою сторону. Я попятился, но не от страха. — Ах-ха, ык. Ты, ты просто не дорос до понимания, что Рина пользуется любыми предоставленными возможностями для ведения грязного бизнеса. И, как можно заметить, ты, как бы тебя там не звали, теперь его часть.

— Что ты несешь?! Ты вообще кто? — скривился я.

— Я кто? Я в представлении не нуждаюсь. Целый город благодарен мне за маис, а народ кличет Лунаром...

— Матаро Лунар?.. — перебил я.

— Ты посмотри, учится неместный. Пха, да ты стоишь хоть тех денег, которые всунула Рина? Нравится быть ее проститутком? Не подскажешь, сколько она заплатила?

— Двести монет за то, чтобы назвать тебя законченным идиотом.

— ПХА-ХА-ХА! — его прорвало, как и толпу рядом. — Твоя одежда и мозги не стоят и початка маиса, не то что республиканских монет. Ты проиграл эту игру, скоро ни тебя, ни Рины в ней не будет. Я выведу каждого из тех, кто мешает городу развиваться и вдыхать в него республиканские идеалы.

— Идеалы Беланже тоже считаются? — в моей голове всплыли документы, которые лежали в сумке.

— Кого?! — на секунду потерял свой приличный образ Лунар, а после вернулся к нему с новой силой: — НЕ СМЕШИ меня! Ах, с такими ворами и преступниками тебе сидеть. Это кредо твоей жизни, только твоей, запомни его. Ты просто ду-урачок.

Фраза, ставшая последней из его уст в мою сторону, разделила мою самооценку на «мне все равно» и «в чем-то он прав».

— Нет времени, парни, на таких выродков. Гогель что, один будет добиваться справедливости?! — завершил рыжик и продолжительно засмеялся, поперхнулся и откашлялся. После рассмеялся снова.

Вся таверна покинула место действия в надежде отыскать Рину и что-то с ней сделать.

Мне хотелось побыстрее уйти из этого ада, взять вещи и сбежать из города. Почему они не застрелили меня или арестовали? Столько наемников, фермеров с вилами, оружием, но никакого насилия. Может, в более приличных городах устраивают суды? Эта загадка присо-единилась к моей библиотеке тайн сего мира. От нервозности я потянулся в карман за сигаретой, но потом вспомнил, что ни разу не курил.

— Дать закурить? — неожиданно обратился старик, предложению которого я был несказанно рад. Его лицо не выглядело знакомым, но таким душевным и одновременно готовым закончить свою жизнь. Словно он приходит в таверну в надежде схватить сердечный приступ из-за водки. Но вместо того, чтобы пить алкашку, он смотрел на меня.

— Да... — дрожащим голосом ответил я и взял сигарету. Старец присел рядом, жадно наблюдая, как я давлюсь дымом.

— Цирк выехал на гастроли. Не бери всерьез сказанное им, этот человек не видит дальше своей земли с маисом. Он не поможет продолжить дорогу...

— Что?.. Что вам известно?! — сжался я.

— Слухи летят быстрее пули, мой мальчик. Как минимум два человека в Паддоке знают, что ты единственный выживший из своей Семьи. Не бойся, у меня нет намерений везти тебя обратно — наоборот, я желаю помочь, ведь дорога, которую ты избрал... — он все же сделал пару глотков водки, чтобы закончить сказанное.

— ...она лежит далеко за границами твоего понимания. Я могу провести тебя до одной остановки, а дальше наши пути разойдутся. Ты, я уверен, сэкономишь время и составишь мне хорошую компанию. И пойдешь напрямик до Столицы. Ну, что скажешь?

— Вы кто?..

— Меня мало кто знает в Паддоке: чужак я тут. Сам родом из Столицы, а позже переместился в Щель, здесь неподалеку, — старец махнул в сторону какого-то окна, — туда я и направляюсь.

— И почему я вам должен верить? Хоть одному слову?!

— Я знаю фамилию твоего отца. Однако никогда его не встречал, к моему сожалению. Уж слишком коварны бывшие тоннели метрополитена.

— Фамилию?! — я закашлялся от сигареты и удивления.

— Китан. Инната.

— Инната?..

— Да, «прирожденный»... А насчет продолжения фразы можно спекулировать, ведь ты сам куешь свою судьбу. Пошли, Китан, нам предстоит долгая дорога домой.

Дорога без возврата, как он потом выразился. Я покорно согласился стать ведомым. Одного аргумента было достаточно, чтобы сесть на крючок если не доверия, то неиссякаемого любопытства. О моем прошлом. Отце. Семье. И будущей дороге.

Глава 5. Ненависть не прекращается ненавистью

Сигарета лениво догорала на брусчатке посреди улицы. Сапоги прохожих никак не помогали ей потухнуть, хотя они в буквальном смысле вмяли ее в камень. Все бежали и не останавливались ни на секунду — в тот вечер город не спал. Именно поэтому сигарета лежала в окружении сородичей: таких же окурков, маисовых трубок и бумажных косяков. И было сложно понять, в какую свалку превратился Паддок: есть ли у него будущее и какое оно?

На этот вопрос отвечали толпы людей, стоящие у караванной компании. Все собравшиеся выкрикивали свой вариант развития событий. Все разделились. Время разделилось на до и после подрыва. История пишется прямо сейчас, а мы — ее свидетели и вершители. Те, кто косвенно виновен в происходящем. Я понимал, что я далеко не желанный человек возле той толпы, что мое мнение, мягко говоря, не спрашивали. И если бы меня узнал кто-то помимо Лунара... этот день стал бы последним. Поэтому я, ведомый незнакомым мне стариком, проскользнул мимо всего уличного цирка. Мы шли по узеньким улочкам прямо до его квартиры где-то на окраине города. Ничем не примечательный дом соединялся с разрушенными многоэтажками, которые образовывали городские стены. Из-за окружающих развалин казалось, что здание скоро отправится на свалку истории. Но такая маскировка была кстати. Ведь это место не так легко заметить.

— Сюда, — старик толкнул вялую входную дверь, — когда бываешь везде и сразу, лучше быть тенью.

— Вы от кого-то прячетесь, зачем? — кинул я, поднимаясь по бетонной лестнице.

Он остановился, повернул голову и косо посмотрел, словно меня здесь не ждали. Пару моментов спустя мы продолжили движение в тишине. Но эта тишина длилась недолго: мы поднимались на второй этаж.

Утренний свет заливал квартиру через окна и разрушенную крышу. Проходя сквозь торчащую в бетоне арматуру и нечто, напоминающее черепицу, лучи солнца открывали до ужаса пыльную квартиру. Весь хлам, книги, статуэтки и никому ненужную мебель.

— Это ваша квартира? — осторожно начал я, учитывая прошлый опыт разговора.

— Нет, — старик подошел к столу в конце комнаты и поднес туда блестящую карточку. Стол издал легкий писк, внутри послышалась работа каких-то механизмов. — Нет, я ее проиграл у вот этого человека в карты.

Он достал из шуфляды досье с черно-белой фотографией.

— Если квартира не ваша, то мы что-то хотим украсть?

— Тот человек... давно лежит в могиле, — после этих слов он вынул из бумажек еще одну карточку, уже меньшего размера, и направился в другую комнату.

— А...

Мы зашли в ванную, откуда можно было пройти до кухни через дыру в стене. А после и спуститься по другой лестнице в подвальные помещения. Мои мысли запутались, потому что квартира казалась детской площадкой, лабиринтом. Мы заворачивали по коридорам, понимались то выше, то ниже. И всякий раз я сбивался, считая этажи. В конце концов старец уперся в ржавую дверь, которая открывалась новой карточкой. Пару попыток, и мы вошли в мастерскую.

— Мы не задержимся здесь, у нас не так много времени. Так что советую воздержаться от еды, — он говорил и одновременно накидывал хлам с верстаков и стеллажей в походные сумки. Конечно, в этот список входили и консервы, на которые я жадно смотрел и глотал слюну. Но больше всего мое внимание привлек арсенал мастерской. Нет, тут не висели десятки винтовок и комплектов брони за стеклом. Полки не трещали от боеприпасов и гранат. Вместо этого на

стене висела одинокая энерговинтовка. Даже тусклый свет не мешал разглядеть ее изгибы и причудливую конструкцию. У нее нельзя было выделить привычных частей. Тонкий ствол и газовая трубка более походили на рифленый тубик, а на ствольной коробке искрился пламенем незнакомый мне энергетический блок. Винтовка висела в напоминание старой истории.

— Это единственное, что осталось от владельца квартиры. Ни записок, ни праха. Тому, кто его убрал, почти удалось уничтожить память о нем, — дедок снял энергооружие и повесил его за плечо, а мне выдал непонятную винтовку, которую я не встречал в своей жизни, и новую сумку с пожитками. Мое оружие, по сравнению с АК, было укороченным, а магазин и спусковой механизм находились позади спускового крючка. Разве так можно было?

— Что случилось с этим человеком? — спросил я про владельца апартаментов, рассматривая свое новоиспеченное оружие.

— Узнал слишком ценную информацию.

— Что случилось с этой информацией?

— Осталась в могиле, — выдержал паузу старик. — В тот день мы договорились встретиться, но он не явился в назначенный час. И я понял, что пора заканчивать свои дела, ведь одним камнем русло не изменишь.

Мне хотелось подобраться к вопросу о моем отце, но как это сделать, я не знал, поэтому продолжал балаболить по поводу увиденного.

— Дела с Республикой?..

— И она тоже туда входила. Честно говоря, мне давалось с трудом проворачивать у нее за спиной разные аферы. И в конечном итоге на меня все равно выходили люди с тонкими намеками закончить. Ты играешь либо за Республику, либо против нее, как ваши семьи в Грешнице. Я был между, — он задумчиво покачал головой. — Такого варианта никто не мог терпеть. Республика поставила ультиматум смертью информатора.

Мы спокойно собирались дальше, обдумывая сказанное. Скорее я погрузился в мысли, когда старик просто вспоминал старые годы, ностальгировал. Я боялся, что мне не удастся выйти из Столицы живым: из меня вытянут все сведения о всех людях в Грешнице. Используют и выкинут, как...

— Пошли, пора, — прервал меня дедок после того, как у него на руке загорелся индикатор. Точнее на его часах. — Похоже, в этом городе становится слишком жарко, чтобы здесь задерживаться.

— Что случилось?

— Не знаю и не хочу знать. Узнаем из слухов.

— Я не хочу, чтобы Рине кто-то навредил.

Эта фраза его быстро рассмешила.

— Ты не по тому адресу попал. Ей может навредить только один человек — она сама.

— Надеюсь, что все будет хорошо.

— Не надейся. Знай.

После мастерской мы зашли в темную каморку, до потолка забитую бочками. Символ на них указывал, что там содержались химикаты. Или все еще содержатся — этого я не знал. Лишь аккуратно ступал между ними, чтобы вдруг не задеть их своей неуклюжестью. Последняя дверь вела в заваленный проход, что теснился между двумя многоэтажками. Он не был изящно спрятан между складками ландшафта и не располагался в пещере. Просто какой-то идиот въехал грузовиком прямо в стену Паддока. Машину сплющило, а прицеп завернуло в сторону. Это и маскировало проход от посторонних глаз. Так мы и вышли из города незамеченными.

Ветер захватил мое дыхание и сковывал не только разум, но и телодвижения. Я почувствовал дрожь, острую боль в месте, где мне кололи стимпанк, и голод. Мне пришлось остановиться, чтобы восстановить работоспособность хотя бы одной части тела. Хотя бы ног.

— Пустошь, — заметил старец мое промедление. — Сразу понимаешь, когда ступаешь на ее территорию. Здесь так одиноко, как будто вся она принадлежит тебе одному. Но как только ты это осознаешь, она заберет твою жизнь.

— Я уже иду, просто... просто я...

— Да, ты привык жить в городе, в социуме. И его стены захватили тебя еще на пару дней: Паддок был качественным наркотиком. Я тебя понимаю... — он тихо задрал штанину коричневых брюк и показал свою ногу. Но, там не было ничего живого. Ничего, кроме металлического стержня с проводками.

— Это протез, не пугайся, — продолжил дед после моих вопросительных взглядов, — титановый, крепкий, служит уже десяток лет. И, знаешь, я почти забыл, что Пустошь забрала у меня ногу. Это была ошибка, которую я не хочу допускать во второй раз. Ты сам проделал нелегкий путь из Грешницы, полагаю. Так ведь?

— По правде говоря, я почти умер.

— Пустошь не прощает тех, кому там не место. Звери, рейдеры — кто тебя так?

— Все сразу. Сначала вудог, — я наконец-то ступил вперед, и мы начали движение в сторону, как я думал, Столицы. — А после меня спас какой-то караван, на который напали мародеры.

— Выжил в обоих случаях, как я посмотрю. Значит твоя цель что-то значит для Пустоши, раз она решила испытать тебя. И продолжит это делать, проверяя то упорство, ту силу воли, с которой ты идешь завершать начатое.

Он говорил спокойно и, казалось, олицетворял все земли за стенами городов. Его слова сводились лишь к тому, что Пустошь — это не название, не территория. Это дорога жизни, пройдя через которую можно эту жизнь либо продолжить, потому что есть почему, либо закончить. Если в Грешнице грехи распространяют, то здесь их можно искупить — все сразу. Это был очень странный диалог на грани фанатизма, но внутри я доверял словам старца, так как редко встречал пожилых людей. Живых, блуждающих везде, где им вздумается, а не только возле шкафчика с таблетками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.